

Система координат

Coordinate System / Koordinatensystem

УДК 327:316.722

Ходаковский Е.А.

Значение и перспективы Европы и России в системе геоцивилизации

Ходаковский Евгений Андреевич, доктор политических наук, кандидат философских наук, эксперт Фонда национальной и международной безопасности

E-mail: khodakovsky@bk.ru

Современные глобальные и региональные трансформации мирового сообщества открывают новые возможности для динамичного развития Российской Федерации, в том числе за счет активизации конструктивных взаимоотношений с европейскими государствами в целостной системе геоцивилизации. На протяжении последних пяти столетий Европа во многом определяла основные направления, идеалы и ценности развития всего человечества. Идеи либерализма, концепция прав и свобод человека продолжают играть значительную роль в интеграционных процессах современности.

В среднесрочной перспективе, наряду с европейскими идеологическими традициями, значительное влияние на эволюцию человечества может оказать Русская идея, которая в современных условиях, по мнению автора, может быть выражена в идеях-символах Правды, Соборности, Державности, обозначающих цель, механизм и основное средство единения евразийских народов, представляющих различные конфессии и этнические группы, в одном государственном образовании.

Формирующаяся при активном участии России полицентричная структура системы международных отношений позволяет избежать блокового противостояния и гонки вооружений. В результате развития сотрудничества с ведущими европейскими государствами может быть создана единая макрорегиональная структура, которая инициирует реализацию альтернативного варианта глобализации.

Ключевые слова: геоцивилизации, Россия, Европа, западники, славянофилы, евразийство, радикализм, либерализм, Правда, Соборность, Державность, атлантизм, стратегия континентализма.

Сколько погибло цивилизаций, потому что в свое время не было хороших критиков.

А.П. Чехов

Первоначальный период исторического развития человечества характеризовался формированием локальных социально-политических общностей. Древнейшие цивилизации Междуречья, Египта, Индии и Китая стали источником формирования традиций и ценностей, не утративших свою актуальность и в настоящее время. Но даже в период расцвета этих локальных цивилизаций взаимодействие между ними отсутствовало или было незначительным. В сложившихся в то время условиях начинают создаваться несколько самобытных культурно-исторических традиций, оказавших определяющее воздействие на формирование облика множества современных локальных и региональных социально-политических систем.

В последующем это обстоятельство отложило свой отпечаток на представление об особенностях развития человечества: «С эпохи Г.В.Ф. Гегеля казалось очевидным, что развитие цивилизации шло через древнюю Иудею, Элладу, Рим и нашло свое завершение в Западной романо-германской Европе, окруженной «неисторическими» или «отсталыми» народами. Аналогично мыслили китайские историки, с тем лишь исключением, что центром цивилизации они считали Среднюю равнину, отгородившуюся от Великой степи «Длинной стеной». В Южной Азии полуконтинент Индия, прикрытая с севера Гималаями, с запада пустынями Белуджистана, а с востока непроходимыми джунглями, рассматривалась учеными браминами как единственная страна, достойная внимания...» [Гумилев 2002, с. 5].

Эпоха Великих географических открытий послужила началом преодоления замкнутости локальных социально-политических общностей, их объединения в региональные системы, которые в свою очередь постепенно интегрировались в систему высшего порядка — геоцивилизацию (см.: [Ходаковский 2002, с. 82; 2010, с. 22–31]).

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

По своему содержанию понятие «**геоцивилизация**» обозначает единство в многообразии всех социально-политических общностей планеты Земля, соединенных политическими, экономическими, демографическими, культурно-историческими и информационно-технологическими взаимосвязями. В геоцивилизационном аспекте мир предстает в виде сложноорганизованного единства социально-политических общностей, региональных центров и локальных элементов, разнообразных по характеру, особенностям функционирования, целям и задачам развития, но составляющих целостную систему.

Геоцивилизационный механизм интеграции объектов общественного бытия представляет собой качественно наивысший уровень общности, охватывающий как этническую первичную форму воспроизводства на основе общей почвы и крови, так и национальную форму хозяйственно-культурного единства населения сложного урбанизированного общества. При этом геоцивилизационный подход позволяет учитывать в качестве важного фактора развития влияние природных условий на формирование основных характеристик локальных или региональных подсистем геоцивилизации. Поэтому роль природной среды в эволюции геоцивилизации не сводима к участи сырьевого прироста: планетарная экологическая система как «вмещающий ландшафт» является одной из основ единства человечества.

Одно из аналитических преимуществ использования категории «геоцивилизация» по сравнению с такими терминами, как «мировая цивилизация», «планетарная цивилизация», состоит в том, что удается избежать лексических предпосылок отождествления всей системы с одним из ее компонентов — глобальным уровнем иерархии. Важно учитывать также уже сложившуюся стереотипность употребления указанных понятий: «мировая цивилизация» зачастую приравнивается к совокупности достижений человечества в различных областях и в «идеологизированном» варианте обозначает Запад; «планетарная цивилизация» преимущественно используется в категориальном аппарате исследований космического пространства. Термином «мировые цивилизации» обозначают также цивилизации глобальной значимости (см., напр.: [Киселев 2002, с. 261]).

Исследование проблем геоцивилизационной интеграции предполагает акцентирование внимания на долгосрочных, глубинных, преемственных тенденциях развития разнообразных социальных объектов, их культурно-исторических особенностях, роли в общностях различного уровня. Как результат — возрастает разрешительная способность инструментария исследования, увеличивается временное поле изысканий. Появляется возможность основывать аргументацию на материалах тысячелетних периодов. Достоверность полученных результатов в связи с этим значительно повышается.

Одна из важнейших особенностей содержания геоцивилизационной интеграции — адекватное отражение возрастающей роли социокультурных факторов в современном общественном развитии. Данная особенность современной эволюции человечества приводит к тому, что реализация именно социокультурного потенциала социальных систем способствует эффективному их развитию. Поэтому организация оптимального процесса развития социальных систем без учета геоцивилизационного уровня интеграции представляется проблематичной.

В системе геоцивилизации выделяют также межрегиональные и межконтинентальные общности типа «Старый Свет» и «Новый Свет», «Север» и «Юг», что дает возможность изучать проблемы развития этих общностей во взаимодействии с региональными и локальными образованиями с использованием единого категориально-понятийного аппарата: на всех уровнях в качестве основного объекта исследования фигурирует геоцивилизация, ее подсистемы, элементы. В рамках иных подходов решение этой задачи влечет необходимость введения новых понятий, что приводит к громоздкости исследовательского инструментария.

В настоящий период подтверждается познавательная ценность теории многофакторности, которая разрабатывалась в прошлом веке отечественными философами и социологами М.М. Ковалевским, В.И. Сергеевичем, Н.И. Кареевым, П.А. Сорокиным и др. «История человечества не есть внутренне единый процесс, — утверждал Н.И. Кареев (1850—1931), — а совокупность целого ряда параллельных процессов, есть сумма историй отдельных народов, находившихся между собою в многообразных отношениях. Да и в истории каждого отдельного народа проявляется не одна какая-либо движущая сила, а действует великое множество таких сил» (цит. по: [Медушевский 1993, с. 170]). По существу отечественные ученые преодолели монистические трактовки содержания эволюционного процесса и обосновали плюралистическую, многофакторную модель развития, предполагающую учет не одной или нескольких доминант, а всей системы параметров¹.

¹ «Любая цивилизация охватывает совокупность самых разных общественных явлений и процессов. Она органически соединяет материальную и духовную культуру человечества на определенном этапе его истории. ...Только единство и нерасчлененность материальной и духовной культуры образуют цивилизацию» [Колесникова, Борзунов 1992, с. 75].

В рамках геоцивилизационного подхода особую значимость приобретает вывод о том, что каждая цивилизация «...обладает свойственной ей ментальностью, собственной системой истины и знания, собственной философией и мировоззрением, своей религией и образцом «святости», собственными представлениями правого и недолжного, собственными формами изящной словесности и искусств, своими доминирующими формами социальных отношений, собственной экономической и политической организацией, наконец, собственным типом личности со свойственным только ему менталитетом и поведением» [Сорокин П.А. 1992, с. 22].

В геоцивилизации каждая региональная подсистема, всякий элемент ее структуры играют определенную роль, имеют свое, равноценное иным, значение. На протяжении последних пяти столетий Европа во многом определяла основные направления, идеалы и ценности развития всего человечества. При этом в ходе эволюции европейских государств сформировался специфический тип социально-политических систем — государство-нация (*nation-state*) — объединяю-

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

щих в себе собственно государство (аппарат управления, сферой ведения которого является политика) и гражданское общество, охватывающее то, что не входит непосредственно в сферу влияния государства.

Необходимо учитывать, что основополагающую роль при определении приоритетов в развитии государств Европы играют национальные интересы, формирующиеся на протяжении длительного периода и являющиеся относительно неизменными в ходе устойчивого развития нации-государства². Концепция нации-государства «...была сформулирована вскоре

² «С категорией "национальный интерес" связан целый ряд методологических проблем, нередко упускаемых из виду. Само это понятие... в полной мере применимо лишь к такой современной форме государственности, как нация-государство» [Пантин 1995, с. 100].

после Французской революции и постепенно укоренилась (и до последнего времени бесспорно доминировала) в общественно-политических науках государств, принадлежащих к евроатлантической цивилизации» [Сорокин К.Э. 1995, с. 115].

Но применительно к исследованиям эволюции незападных цивилизаций категории «нация», «нация-государство», «национальный интерес»³ обладают определенными ограничениями. Использование данного инструментария представляется

³ «Понятие "национальных интересов" все больше выпадает из контекста современной мировой политики. ...связано с нарастающим кризисом полиэтнической модели "нации-государства" — как самого объекта, так и его концепции» [Сорокин К.Э. 1995, с. 115].

недостаточно корректным, пока в определенной социально-политической системе в результате общественного развития определенной направленности (вероятность которого, например, для России⁴ незначительна⁵) не сложится нация-государ-

⁴ «Россия — не просто одна из других наций, а многонациональное и полиэтническое образование, функционирующее как особая специфическая цивилизация, охватывающая различные общности евразийского региона» [Ерасов Б.С. 1996.а, с. 88].

⁵ «Говорить о "национальных интересах России" в связи с этим представляется не корректным по самой простой причине: нет "нации" — не может быть и "национальных интересов"» [Кара-Мурза 1995, с. 97].

ство, объединяющее в себе правовое государство и гражданское общество, и система национальных интересов.

Доминирование материальных интересов над духовными — одна из существенных черт европейских обществ⁶. По суще-

⁶ «Теперь людей оценивали исходя из того, что они потребляли, а не по их убеждениям. <...> Никогда ранее столько людей не были связаны друг с другом таким огромным количеством вещей» [Бурстин 1993, с. 116, 117].

ству то, что выгодно, способно приносить прибыль, объявляется национальным интересом, что и проявляется в прагматизме и утилитаризме политики европейских государств⁷.

⁷ Прагматизм в сочетании с агрессивностью был одной из основ нацизма, породившего технологически совершенный геноцид. На территории Германии и оккупированных в годы Второй мировой войны стран было создано 14 тысяч концлагерей. В самом крупном из них — Освенциме — на территории в 40 квадратных километров было уничтожено около 3 млн человек. Только из этого лагеря «на хозяйственные нужды» было вывезено 60 тонн человеческих волос. В среднем жизнь каждого из 18 млн узников концлагерей не превышала одного года, но при этом приносила 1,5 тысячи рейхсмарок чистой прибыли (см.: [Смыслов 2007, с. 6]).

В контексте изложенного показательна специфическая приверженность европейских обществ праву и правосудию как таковому.

Правосудие для европейца равнозначно справедливости, что находит отражение и в языке: в английском и французском, например, эти два понятия обозначаются одним словом «justice». При этом право доминирует над этикой и в своем прагматизме претендует на статус «внеморальности».

Отечественный мыслитель Вадим Кожинов отмечает, что в Англии в конце XV в. был принят закон о бродяжничестве, в соответствии с которым бездомных предавали смертной казни. «Чудовищный закон. А когда начались так называемые огораживания, когда выяснилось, что в Англии совершенно невыгодно сеять хлеб, гораздо дешевле покупать хлеб во Франции, а здесь выращивать овец на этих землях, то их принялись сгонять, и поля превращать в овечьи пастбища. Естественно, образовалось огромное количество бродяг. Вместо того чтобы попытаться их как-то трудоустроить, их просто повесили. В России ничего подобного никогда не было. Но у них закон этот принял парламент, то есть избранники народа. И получается так, что Генрих VIII, который в то время правил в Англии, как бы ни в чем не виноват. Хотя он мог бы наложить вето. Формально же получается так, что ...там был закон» [Беседа с Вадимом Кожиновым 1999].

Сохранение хотя бы видимой приверженности праву было характерно и для диктаторских режимов Европы. Для придания правового характера расправе над 85 лидерами штурмовиков Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП), арестованных 30 июня 1934 г. («ночь длинных ножей»), Гитлер вместе с министрами юстиции и внутренних дел подписал специальный закон о защите государства: «Меры, принятые 30 июня, 1 и 2 июля 1934 г. для пресечения действий заговорщиков и предателей, являются вынужденной защитой государства (Staatsnotwehr) и носят правовой характер» (цит. по: [Ватлин 2002, с. 92]).

В целом же роль Европы в развитии правовых систем различных стран может быть оценена как конструктивная. Идеи либерализма, концепция прав и свобод человека, несмотря на приверженность «светочей демократии» политике двойных стандартов, продолжают играть значительную роль в интеграционных процессах современности.

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

Процессы увеличения политической, экономической, информационной взаимозависимости мира все более отчетливо выявляют зависимость результатов развития социально-политических систем от способности входящих в их состав государств и народов выдвигать и отстаивать идеи региональной и всемирной значимости. Целесообразно предположить, что в течение нескольких десятилетий ведущими субъектами мировой политики станут несколько региональных систем, оспаривающих друг у друга глобальный статус посредством своеобразной конкуренции, охватывающей также политико-идеологическую сферу. В среднесрочной перспективе, наряду с европейскими идеологическими традициями, значительное влияние на эволюцию человечества может оказать Русская идея.

В истории Российского государства общественная мысль стремилась с учетом особенностей переживаемой эпохи придать новую форму ответам на важнейшие проблемы отечественной цивилизации: какие должны быть *цели, механизм и основные средства* единения тяготеющих к различным цивилизационным типам народов в одном государственном образовании — Киевской, Московской Руси, Российской империи, Советском Союзе, Российской Федерации, — в чем смысл существования России-Евразии⁸.

⁸ «Когда видишь, как эта огромная империя с большим или меньшим блеском в течение двух веков выступала на мировой сцене, когда видишь, как она по многим второстепенным вопросам приняла европейскую цивилизацию, упорно отбрасывая ее по другим, более важным, сохраняя таким образом оригинальность, которая хотя и является чисто отрицательной, но не лишена тем не менее своеобразного величия, — когда видишь этот великий исторический факт, то спрашиваешь себя: какова же та *мысль*, которую он скрывает за собою или открывает нам; каков *идеальный* принцип, одушевляющий это огромное тело, какое новое *слово* этот новый народ скажет человечеству; что желает он сделать в истории мира? Чтобы разрешить этот вопрос, мы не обратимся к общественному мнению сегодняшнего дня, что поставило бы нас в опасность быть разочарованными событиями последующего дня. Мы поищем ответа в вечных истинах религии. Ибо *идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности*» [Соловьев 1989, т. 2, с. 220].

В период становления единого восточнославянского государства со столицей в Киеве произошло знаменательное событие, определившее цивилизационный облик Руси. Нестор Летописец, повествуя о выборе веры державными мужами Киевской Руси, указывает на необычайно сильное воздействие православного Богослужения — красота склонила на свою сторону сердца русичей. Наверное, об этой красоте Достоевский утверждал, что она спасет мир. По крайней мере, в геокulturологической и, как следствие, в геополитической сфере это представляется очевидным: иной выбор (в пользу ислама, иудаизма или католицизма) Руси разрушил бы равновесную структуру геоцивилизации, создавая предпосылки для доминирования избранной ею макрорегиональной системы. Решение князя Владимира было в пользу геополитического "слабого": Византия, достигнув самого высокого в то время уровня культурного и державного строительства, находилась, как политическое образование, в закате, утрачивая одну территорию за другой. Поэтому исторический выбор Киевской Руси поддержал пошатнувшееся равновесное соотношение мировых державных и религиозных сил.

Российский историк и политолог А.И. Уткин уточняет: «Влияние Византии на Русь трудно переоценить. Но оно заключалось не в переносе гигантского наследия умудренной, софистичной цивилизации в молодое государство-наследник — это было осуществлено лишь в ограниченной мере. Византия дала северному соседу нечто иное и большее. Она дала средство создать собственно Русь. ...Без религиозно-цивилизующего начала византизма никакое завоевание русами центральной европейской равнины не создало бы столь прочного фундамента протонации. Отныне русским был собственно христианин, обращенный в эту веру посланцами обреченной историей Византии. Отступая под натиском мусульман на юге и востоке, под давлением латинян с Запада, Византия оставляет завет, создавший единственного на протяжении целых веков независимого от Запада субъекта истории» [Уткин 2005].

Кроме того, после гибели Византии Православие без поддержки Руси не смогло бы развиваться как мировая величина. Геоцивилизация утратила бы одну из своих важнейших культурологических составляющих⁹. В этом, по нашему мнению,

⁹ «И не заключается ли все, все, чего ищет он (русский народ), в Православии? Не в нем ли одном и правда и спасение народа русского, а в будущих веках и для всего человечества? Не в Православии ли одном сохранился божественный образ Христа во всей чистоте? И может быть, главнейшее предызбранное назначение народа русского и состоит лишь в том, чтоб сохранить у себя этот божественный образ Христа во всей чистоте, а когда придет время, явить этот образ миру, потерявшему пути свои!» [Достоевский 1980, т. 21, с. 59].

один из основных элементов концепции «Москва — Третий Рим».

Основой данной концепции послужила взаимосвязь нескольких идей. Первая из них отражает восприятие Рима как центра христианского мира. Вторая — связывалась с эсхатологической идеей странствующего царства, удерживающего приход антихриста. И третья, преобладавшая в Европе, — идея преемственной передачи имперской власти после падения Западной Римской империи.

«Материальная культура "римской империи" оказалась бессильна перед напором культуры новых народов — "варваров". Но духовный подъем средневекового мира, связанный с новой религией — христианством, в значительной степени совладал с разбушевавшимися историческими стихиями. Церковь была связующим началом между миром средиземноморским и миром "варварским". Через церковь многие элементы "варварской" цивилизации проникли в жизнь народов, подчиненных ранее римскому мечу. С другой стороны, церковь захватывала в черту своего влияния и своей организации новые "варварские народы". Все дальше на восток двигался центр церковного влияния. Первый церковный "Рим"

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

был в старом средиземноморском Риме. Второй, Новый Рим, был уже на рубеже Европы и Азии, на Босфоре, в Византии. Третий Рим был еще дальше на восток...» [Вернадский 1927, с. 157].

Концепция «Москва — Третий Рим», в отличие от ее экспансионистской трактовки на Западе, «...не несла оттенка "официального" "имперского" хилиазма, эмоционально и горячо предупреждая власть предержащих о близости Парусии¹⁰.

¹⁰ Парусия (греч. παρουσία) — понятие христианского богословия, изначально обозначавшее как незримое присутствие Господа Иисуса Христа в мире с момента его явления, так и пришествие Его в мир в конце света. (Прим. ред.).

"Четвертого Рима" не будет не потому, что Москва простоит вечно, а потому, что не осталось исторического земного времени для нового наследника. Изначально эта фраза не обожествляла власть, а гневно предупреждала ее о необходимости соответствовать в мыслях и поступках кануну апокалипсиса» [Ломанов 1998, с. 115].

Смысловое содержание концепции «Москва — Третий Рим», по нашему мнению, указывает также на основное направление формирования цивилизационной идентичности Российского государства, призванного продолжить геополитическую и культурологическую миссию Рима и Византии. Внутренний аспект данной миссии проявляется в единых для Рима, Византии и Московского царства цивилизационных (надэтнических и надконфессиональных) принципах империостроительства¹¹.

¹¹ «Российская государственность исторически оказалась ответом на экспансивные вызовы как Востока, так и Запада. Россия традиционно стиснута империями: Цыньской, Оттоманской, Латинской. Выжить в таких условиях можно было, лишь самой став империей...» [Ильин В.В. 1995, с. 98–99].

В соответствии с этой концепцией Москве отводилась роль преемника достижений первых двух империй в различных сферах.

В геоцивилизационном аспекте преемство Москвы проявляется в принятии ключевой роли по собиранию территорий региона и поддержанию равновесия между основными макрорегиональными социально-политическими системами. «Россия исторически и геополитически призвана уравнивать два мира, два исторических антагониста — Восток и Запад, органически совмещая в себе оба начала» [Очиров 1995, с.48].

На способ интеграции элементов государства указывает другая форма выражения Русской идеи: «Православие, Самодержавие, Народность». Сформулированные таким образом товарищем (заместителем) министра просвещения С.С. Уваровым в 1832 г. русские охранительные начала были одобрены императором и стали официальным лозунгом. Идеология западничества стала неприемлемой после начала процесса революционных метаморфоз, охвативших вслед за Францией многие европейские страны.

Официальный лозунг был поддержан славянофилами, но содержащиеся в нем понятия были кардинально переосмыслены в качестве основ идентичности России. Новаторство славянофилов состояло в фундаментальной разработке понятий в русле инициированной ими традиции светского богословия. Н.А. Бердяев считал А.С. Хомякова (1804—1860) «рыцарем Церкви», гениальным мыслителем, который «начал новую эру» в русском богословии.

В отличие от европейского католицизма, опирающегося на авторитет светской власти и военной силы, Православие на Руси, по мнению Хомякова, было сродни с общинным духом народа¹². Но русская самобытность не была учтена во время

¹² «...Та идея, которая была руководящей в философском творчестве А.С. Хомякова — построение цельного мировоззрения на основе церковного сознания, как оно сложилось в Православии, — не была ни его личным созданием, ни его индивидуальным планом. Как до него, так и одновременно с ним и после него, — вплоть до наших дней, — развивается рядом мыслителей мысль, что Православие, заключая в себе иное восприятие и понимание христианства, чем то, какое сложилось на Западе, может стать основой нового подхода к темам культуры и жизни» [Зеньковский 1991, т. 1, ч. 2, с. 5].

проведения реформ Петром I, что отрицательно сказалось на государственном устройстве России. Между «жизнью народной и знанием высшего сословия», между правом «научнообразным, писанным и жизненным правом народа», по мнению Хомякова, образовался «глубокий и до сих пор не исцеленный разрыв в умственной и духовной сущности России, разрыв между ее самобытной жизнью и ее прививным просвещением» (цит. по: [Мокренко 1993, с. 68]).

И.В. Киреевский (1806—1856), философ и литературный критик, начинал свою общественную деятельность в стане западников, отличался радикальным взглядами: атеист, сторонник смены формы правления насильственными методами. Со времен он усматривает преимущества русского просвещения в Православии, созидающем целостную культуру, в отличие от односторонней рационалистической культуры Запада. «...Киреевский целиком примыкает к идее православной культуры, которая должна сменить культуру Запада. России необходимо, писал он, чтобы «православное просвещение овладело всем умственным развитием современного мира, чтобы, обогатившись мирской мудростью, истина христианская тем полнее и торжественнее явила свое господство над относительными истинами человеческого разума» [Зеньковский 1991, т. 1, ч. 2, с. 11].

По мнению историка и богослова Ю.Ф. Самарина (1819—1876), исконные самобытные начала русской жизни — Православие, Самодержавие, Община. При этом Самодержавие рассматривалось им как народная монархия, идеальная форма государственного устройства. Община как форма социального устройства призвана сплотить все слои общества, поддержать в нем развитие самобытных традиций.

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

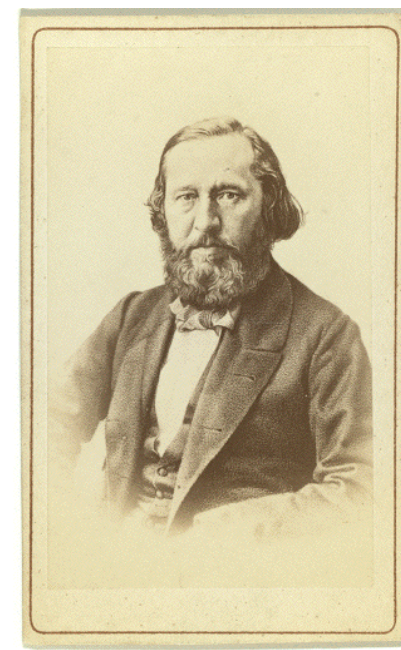
Алексей Степанович Хомяков (1804—1860), поэт, художник, публицист, богослов, философ, основоположник раннего славянофильства, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1856)

Иван Васильевич Киреевский (1806—1856), религиозный философ, литературный критик и публицист, один из главных теоретиков славянофильства

Юрий Федорович Самарин (1819—1876), публицист, философ-славянофил, сторонник «народной» монархии

Константин Сергеевич Аксаков (1817—1860), публицист, поэт, литературный критик, историк и лингвист, глава русских славянофилов и идеолог славянофильства

Важную роль общины для России отмечал К. Маркс и предполагал, что революция должна создать условия для свободного развития общинных хозяйств¹³. Дорожить общиной призывал К.Д. Кавелин, «этим неразвитым еще, но драгоценнейшим

¹³ «Если революция произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя» [Маркс, Энгельс 1961, т. 19, с. 410].

залогом правильной социальной организации. Беритесь за него с крайней осторожностью и не спешите преобразовать, пока не изучите все его стороны, не вникните глубоко в его сокровенный смысл» [Кавелин 1989, с. 123].

Философ, поэт и историк К.С. Аксаков (1817—1860) считал, что Народность это есть живая, цельная сила, личность народа. И дух, и художественное творчество, и природа — все принимает участие в созидании этой силы. «Народ есть та великая сила, та живая связь людей, без которой и вне которой отдельный человек был бы бесполезным эгоистом, а все человечество — бесплодной отвлеченностью. Разъединяющий эгоистический элемент личности умеряется высшим началом живого союза народного, другими словами: великодушием общинного элемента. В общинном союзе не уничтожаются личности, но отрекаются лишь от своей исключительности, дабы составить согласное целое, дабы явить желанное сочетание всех. Они звучат в общине, не как отдельные голоса, но как хор» («Молва». 1857. 20 апреля; цит. по: [Зеньковский 1991, т. 1, ч. 2, с. 36]). Каждый народ сможет обрести «человеческое выражение», сохраняя свой народный облик.

Н.Я. Данилевский отмечал: «Народности, национальности суть органы человечества, посредством которых заключающаяся в нем идея достигает в пространстве и во времени возможного разнообразия, возможной многосторонности осуществления... следовательно, жертвы, требуемые для охранения народности, суть самые существенно-необходимые, самые священные. Народность составляет поэтому существенную основу государства, самую причину его существования, — и главная цель его и есть именно охранение народности. Из самого определения государства следует, что государство, не имеющее народной основы, не имеет в себе жизненного начала, и вообще не имеет никакой причины существовать» [Данилевский 1995, с. 187].

В триаде «Православие, Самодержавие, Народность» славянофилы усматривали основные интегрирующие факторы отечественной государственности в духовной, властной и социальной сфере и особенности взаимодействия между ними в русской истории. Православие как культурно-историческая доминанта развития гармонично взаимосвязано с Самодержавием, предоставляющим независимость, автономию народа в духовной сфере и обеспечивающим верховенство личности в сфере властных отношений (само понятие государства в России производно от понятия «государь»). Православие и Самодержавие в социальной сфере основывались на Народности, предполагающим преемственность, самобытность развития и его укорененность в Традиции.

Наряду с иными формами проявления Русской идеи идеологемы «Москва — Третий Рим» и «Православие, Самодержавие, Народность» отражают приоритетность духовных начал в развитии цивилизации Русь, своеобразие Русского пути, его взаимосвязь с эволюцией социально-политических систем Запада и Востока. В культурологической, этноконфессиональной и идеологической сфере Русь «обречена» на инаковость, на выполнение самостоятельной роли полноценного образа мира, на личностное развитие.

Особенности современного периода развития России в полной мере подтверждают незыблемость в истории основных положений Русской идеи, но в то же время привносят новые особенности в ее звучании.

В первую очередь это относится к подчеркиванию решающей роли государства в разрешении современных российских проблем. Показательно, что многие российские политические партии и движения отражают в своих программах ак-

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

туальность укрепления и возрастания роли государственных начал в основных сферах жизни народа России. Властные структуры постепенно осознают неприемлемость и бесплодность примитивного заимствования иных цивилизационных моделей, признавая необходимость разработки собственных программ развития, выполнение которых должно основываться на сильной государственной власти как традиционном основном средстве конструктивных преобразований в отечественной социально-экономической системе.

Данный принцип, принцип **Державности**, отражающий жизненную необходимость сильной централизованной власти для России, должен стать одним из компонентов современной российской идеологии, новым выражением Русской идеи в третьем тысячелетии. Централизованная государственная власть, стремящаяся к воплощению принципа Державности, является основным средством решения российских цивилизационных задач и становится причастной выполнению миссии удерживающего. «Россия — мир особый в географическом и культурном смысле, у нее своя историческая миссия — быть Европо-Азией, Восток-Западом, отнюдь не буфером между ними, а скорее глубоко синтезирующим, примиряющим началом... назначена историей именно для того, чтобы так или иначе Европу с Азией помирить, связать и слить» [Менделеев 1992, с. 96]. Эту задачу в состоянии было выполнить только мощное государство, образующее самостоятельный центр силы. Исторически выживание, безопасность и успешное развитие отечественной цивилизации основывались на потенциале государства. «Одной из наиболее существенных характеристик системы устройства России на протяжении многих веков была огромная роль государства, основанного на принципе державности...» [Ерасов 1996.а, с. 89].

Объединителем Евразии не могло стать государство, возникшее и оставшееся неподвижно в каком-нибудь географическом ареале, например, в речном бассейне, что было характерно для многих древнейших цивилизаций. Всякое речное государство постоянно находилось под угрозой и контролем прорезавшей материк степи. Вот почему так типичны для истории Евразии постоянные набеги кочевников. Тот, кто владел степью, мог легко стать и политическим, и культурным объединителем Евразии, что и осуществила Монгольская империя. Узловым моментом истории евразийской культуры становится, по мнению Г. Вернадского, конфронтация двух факторов — «леса» и «степи» [Вернадский 1927, т. 1, с. 38]. Метаязык символов «степи» и «леса» отражал в данном случае смешанный этнический и географический характер евразийского пространства. «...Россия на протяжении веков представляла собой устойчивое социополитическое образование, способное сдерживать противоречия, обеспечивать устойчивую организацию огромных территорий с разнородным населением и противостоять агрессии извне. Эта устойчивость поддерживалась государственно-политической системой, принимавшей державный характер» [Ерасов 1996.б, с. 14].

До конца X в. постоянно предпринимались попытки объединения «леса» и «степи». Определенная степень единства была достигнута в XIII в. в результате победы «степи» над «лесом». С середины XV и до середины XVII в. длится эпоха господства «леса» над «степью»: укрепление Северо-Восточной Руси, создание Московского государства и распад Золотой Орды. Наконец, завершающим этапом этого противостояния становится объединение «леса» со «степью» в границах Российской империи. «Идея общего союза европейских и азиатских народов впервые реализовалась в пределах русского государства и это пока уникальный пример объединения в рамках единого государства народов абсолютно не похожих друг на друга культур» [Чесноков 1995, с. 152].

Ключевым элементом современной идеологии Российского государства становится **Соборность**¹⁴, поскольку именно со-

¹⁴ «...В основе русского народа, его цивилизации лежит соборность» [Моисеев 1997, с. 207].

бирание народов и земель Евразии в цивилизационной сфере России приобретает первоочередное значение. В наши дни вопрос о единстве народов России равнозначен вопросу о их жизни и смерти. Сумеет ли сегодня Русь выстоять, восстановить свое единство? Найдет ли продолжение в будущем многовековая история отечественной государственности? В этом смысл безопасности Российского государства в современных условиях.

Соборность стала одной из важнейших категорий православного богословия и русской философии всеединства. Понятие соборности вошло и в предтечу современной экологической мысли — русский космизм. Соборность в социальной жизни представляет собой единство сущностных сил общества. За тысячелетнюю историю Соборность пронизала собой все стороны цивилизации Русь. «Троица» Андрея Рублева и Троицкий собор Сергия Радонежского, вечевые республики и ополчения, «Русская правда» и Земские соборы — все это Русская соборность.

Философ, богослов, историк А.С. Хомяков утверждал, что в отечественной цивилизации соборность проявляется как основа исторической жизни России, как «начало цельности и единства», «единство во множестве» [Хомяков 1994, т. 2, с. 242]. Соборность, по его мысли, обладает следующими отличительными чертами. Соборность — это не монолитное единство, внутри которого невозможно выделить какие-либо составляющие его элементы, но единство во множестве («единство Божией благодати, живущей во множестве разумных творений»). Соборное единство — это и не скопище песчинок, пребывание которых в единой массе не устраняет (и даже не преуменьшает) их полной отъединенности друг от друга (отдельности); соборное единство Церкви «не есть множество лиц в их личной отдельности», но преодоление отъединенности. Преодоление отдельности, слияние с общим не является абсолютным, за которым наступает полная неотличимость вошедшего в Собор от других его членов; подчинение элементов соборному целому не является жестким и всепоглощающим: всегда сохраняется его некоторая автономность. В соборном единстве все-таки сохраняется приоритет соборного целого над отдельными его членами. Соборование с другими — есть акт свободного единения и подчинения соборному целому. Это свойство является наиважнейшим, ибо лишь в сочетании со свободой единство становится соборным. Соборное единство

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

суть «единство свободное и органическое, живое начало которого есть Божественная благодать взаимной любви».

По мнению А.С. Хомякова, Православная церковь никогда не притязала на насильственное управление волею и помыслами прихожан, а также на приобретение себе светски-правительственной власти. Тем самым Православие отличается от римско-католической церкви, которая свободному единству предпочла начало внешнего авторитета, так и от протестантизма, пожертвовавшего единством ради начал свободы [Данилов 1995, с. 130–131]. «...Утверждаю смело, — говорил Хомяков о соборности, — что одно это слово содержит в себе целое исповедание веры» [Хомяков 1994, т. 2, с. 242–243].

Ю.Ф. Самарин указывал на связь соборности и общины: «Среда, в которой предназначено было развиваться историческим силам славянства... предопределилась сродством... общинности и соборности» (цит. по: [Данилов 1995, с. 136]). По мысли Хомякова, в истории русской жизни нельзя понять ни строки без ясного уразумения общины и ее внутренней жизни.

Соборное понимание мира является инвариантной чертой русского художественно-философского мышления, истоки которой уходят в языческую архаику и которая находит органичное продолжение в православной культуре. Как социальный феномен соборность содержит три основных аспекта (см.: [Фролов 1995, с. 289–290]): единство сущностных сил общества (с этим аспектом связана формула «Православие, Самодержавие, Народность», выражающая состояние единства различных проявлений сущности народа — веры, воли и самостоятельного творчества народа); единение различных социальных образований; органическая связь времен и единство поколений.

Как отмечает А.С. Фролов, в лоне отечественной цивилизации сформировался также соборный тип отношения к пространству-времени. Это связано с тем, что сознание русского народа формировалось в условиях непрерывного военного давления. Необходимость постоянной мобилизации сил для отражения агрессии в значительной мере обусловила специфику восприятия жизненного пространства, особенности пространственно-временных представлений. «Эту особенность можно определить как "категорический императив сохранения пространства-времени". Поскольку выполнить эту сверхзадачу можно было только, заполняя плотью своего этноса окружающие Русь лесные и степные пустоты и полости, превращая их в вязкий буфер, который амортизировал набеги враждебных племен, постольку задача сохранения стала императивом собирания пространства» (см.: [Фролов 1995, с. 90]). Это определило также и соответствующее отношение ко времени, которое так же можно обозначить как соборное: бытие народа в экстремальных геополитических условиях требовало предельной мобилизации опыта предков, актуализации прошлого.

«Синдром мобилизации всех сил — прошлого и будущего — определил такое отношение ко времени, когда оно утрачивало свою трехчленную структуру и как бы сосредоточивалось, собиралось в одной точке, не принадлежащей к какому-то конкретному элементу этой структуры. ...Внешняя агрессия, нарушавшая пространственно-временную целостность народа воспринималась как разрыв пространства-времени. Наиболее эффективным средством его предотвращения и служило собирание пространства, его сохранение и собирание времени — сосредоточение его в одной точке» [Фролов А.С. 1995, с. 91].

Соединение в русской культуре пространства со временем порождает движение. Движение есть способ соединения пространства и времени в органическое целое. В отечественной цивилизации движение воспринималось как равнозначное процессу самоидентификации, поиска и обретения своего "я". Следовательно, пространство физическое как атрибут природы, космоса, становится в отечественной цивилизации символом пространства метафизического, в котором отражается духовный лик человека. Поэтому опасность не найти себя, потеряться духовно равнозначна опасности бесследно раствориться в физическом пространстве.

«Россия, — справедливо утверждает В.В. Кожин, — уникальная страна. В то время как великие западные и восточные державы развивались более или менее равномерно, она несколько раз гибла и воскресала. Это не раз было в русской истории» [Мащенко 2005].

Так, в Житии Александра Невского читаем: «...король страны Римской из северной земли подумал про себя: "Пойду и завоюю землю Александрову". И собрал силу великую, и наполнил многие корабли полками своими, двинулся с огромным войском, пылая духом ратным. И пришел в Неву, опьяненный безумием, и отправил послов своих, возгордившись, в Новгород к князю Александру, говоря: "Если можешь, защищайся, ибо я уже здесь и разоряю землю твою". Александр же, услышав такие слова, разгорелся сердцем, и вошел в церковь святой Софии, и, упав на колени пред алтарем, начал молиться со слезами: "Боже славный, праведный, боже великий, сильный, боже превечный, сотворивший небо и землю и установивший пределы народам, ты повелел жить, не преступая чужих границ". И, припомнив слова пророка, сказал: "Суди, господи, обидящих меня и огради от борющихся со мною, возьми оружие и щит и встань на помощь мне". И, окончив молитву, он встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же был тогда Спиридон, он благословил его и отпустил. Князь же, выйдя из церкви, осушил слезы и начал ободрять дружину свою, говоря: «Не в силе бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, который сказал: "Одни с оружием, а другие на конях, мы же имя господя бога нашего призовем; они, поверженные, пали, мы же устояли и стоим прямо"» [Житие Александра Невского... 1981].

Летом 1612 г. на Руси появилось сочинение «Повесть о полном разорении и окончании преславного Московского государства». Но уже осенью князь Пожарский выбил поляков из Москвы. А ровно через тридцать пять лет, в 1647 г., русские землепроходцы дошли до Тихого океана и основали на его побережье город Охотск. Прошло еще семь лет, и в 1654 году Россия воссоединилась с Украиной, которая в течение трех столетий входила в состав Литвы и Польши. То есть через сорок два года после «полного разорения Московского государства» Русь начала превращаться в империю.

Не менее масштабные испытания выпали на долю Российского государства в начале XX века. «В 1917 году, после Февральской революции, Алексей Ремизов написал "Слово о гибели Земли Русской". В это время с ним было согласно

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

большинство мыслящих русских людей. Россия казалась уничтоженной революцией. Кстати, имейте в виду, тогда произошел такой же распад государства, как и сейчас. От России откололись Украина, Грузия, Средняя Азия... Их собрали, и то далеко не полностью, только к 1922 году. Однако после семнадцатого года прошло меньше тридцати лет, и мы победили самую мощную в мировой истории военную машину, на которую работала вся Европа» [Мащенко 2005].

Принцип Соборности определяет механизм интеграции Российского государства и, наряду с Державностью, составляет основу идеологии Российского государства, способной консолидировать народы Евразии в третьем тысячелетии. Соборность тесно переплетается с Православием. «Эта соборность, «мы-мировоззрение», органическое единство человеческого сообщества образует... основу русской церковной мысли, как это блестяще и теоретически глубоко обосновал гениальный русский богослов Хомяков. Церковь здесь в первоначальном смысле — не высшая организация, не институт, в который удерживает верующих авторитетом и духовным принуждением, не единство, которое может быть олицетворено в какой-либо единичной человеческой власти или инстанции, как в католицизме, а именно первожданное, живое, внутренне духовное единство всех верующих, так сказать, божественная кровь, которая циркулирует во всех них через них. Но с другой стороны церковь также и нечто совершенно иное и много более реальное, чем только сообщество или общность верующих, как в протестантизме, ибо она именно и есть та реальная духовная сущность, которая несет надвременную и всеохватывающую реальность мистического тела Христова, без участия в котором не существует спасения, не существует религиозной пищи для личности. Поэтому Хомяков мог утверждать, что православный христианин обладает полной индивидуальной свободой и религиозной искренностью, подобной той, что есть в протестантизме, и вдобавок еще живым единством церкви, поскольку универсализм и индивидуализм друг друга не исключают и не ограничивают, но внутренне совпадают и взаимно поддерживают. ...Именно лежащее в русском духовном устройении принципиальное требование объединить полный индивидуализм с полным универсализмом или, скорее, осуществить их в первожданном единстве легко ведет к возникновению жесточайших коллизий между обеими духовными тенденциями, в особенности если религиозная основа, на которой только и возможна истинная соборность, вытравливается из сознания, как это случилось с русской революционной интеллигенцией в последнее столетие» [Франк 1992, с. 487–489].

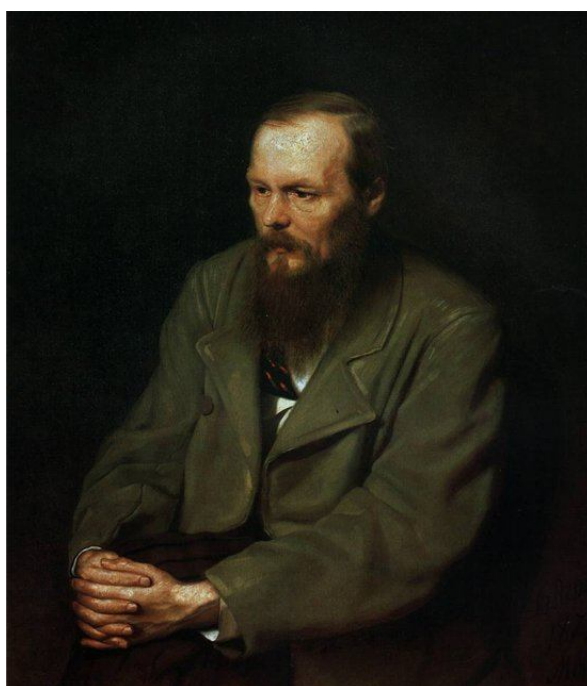
Русская идея в прошлом в образной форме указывала на цель соединения евразийских народов. Наиболее значимыми из них были образы Святой Руси¹⁵ и Китежграда, указывающими на то, что идеал народов отечественной цивилизации

¹⁵ Верховный муфтий России Т. Таджуддин отмечал: «Мы, мусульмане, всегда считали Русь святой» [Духовность. Нравственность. Правопорядок... 1999, с. 63].

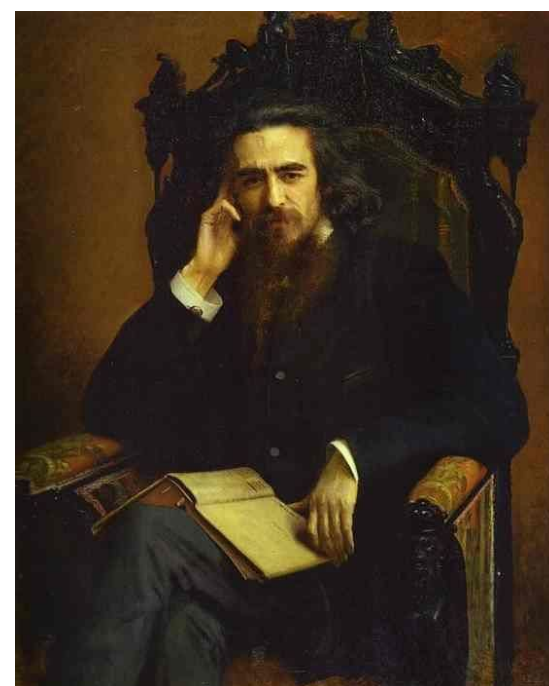
выходит за рамки материального мира, но тесно соединен с земным, преображая его. «Преображение в пространстве русской культуры имеет статус ключевого философско-религиозного смыслообраза, обозначающего завершающую стадию Богопознания и являющегося стержнем соборного миропонимания» [Фролов 1995, с. 398]. Идеалы святости воодушевляли людей на стремление превратить земную жизнь в царство справедливости. Стремление к запредельному и невозможному было характерно в России и в советский период. Близкие к религиозным по форме (но не по содержанию) идеалы коммунизма являлись в тот период выражением представлений о справедливом земном устройстве.

Семен Львович Франк (1877—1950), философ и религиозный мыслитель

Федор Михайлович Достоевский (1821—1881)

Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900)

Преемственным выразителем представлений об идеалах народов России-Евразии, о цели их единения может послужить понятие **Правды**¹⁶. «В русском языке существует очень характерное слово, которое играет чрезвычайно большую роль

¹⁶ «Потому что никаким развратом, никаким давлением и никаким унижением не истребишь, не замретишь и не искоренишь в сердце народа нашего жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего» [Достоевский 1980, т. 21, с. 58].

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

во всем строе русской мысли — от народного мышления до творческого гения. Это непередаваемое слово «правда», которое одновременно означает и «истину», и «моральное и естественное право»... Русский дух — в лице религиозного искателя или странника из народа, в лице Достоевского, Толстого, или Вл. Соловьева — всегда искал ту истину, которая ему, с одной стороны, объяснит и осветит жизнь, а с другой — станет основой «подлинной», то есть справедливой, жизни, благодаря чему жизнь может быть освящена и спасена. Это, собственно, и есть истина как «свет... который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Иоанн, I, 9), истина как Логос, в котором — жизнь, позволяющая преодолеть разрыв между теорией и практикой, между познанием и формой существования» [Франк 1992, с. 489— 490].

Раскрывая религиозный смысл Правды, Вл. Соловьев указывал: «Чтобы безусловная правда осуществлялась в действительности внешней, нужно, чтобы эта правда существовала сама по себе. Эта правда, сама по себе сущая, — есть Бог. Если неправда состоит в розни всего — то единство всего — есть правда, как живое единство — она есть Бог» [Соловьев 1989 т. 1, с. 39].

Исторически свойственное Руси понятие Правды вбирает в себя смысл истины и справедливости, правого социального порядка и праведности в личной жизни. С.Л. Франк государство и правду рассматривал как взаимосвязанные понятия: «Государство... есть человеческое — и потому неизбежно искаженное — воплощение божественного начала правды...» [Франк 1992, с. 89]. Эта взаимосвязь была отражена в евразийской концепции. «Важнейшую роль в евразийском устройении общества играла идея "государства правды", подчиненного высшим ценностям. Поэтому главное значение приобретает "истина-правительница", формирующая общую основу, архетип всей культуры. На этой же основе формируется и идеология, соблюдение принципов которой определяет и отбор правящего класса» [Ерасов 1996.6, с. 20].

Слова св. Александра Невского «Не в силе Бог, а в правде» Н.А. Бердяев считал характерными для отечественной цивилизации. «Трагедия русского народа в том, что русская власть не была верна этим словам» [Бердяев 1990, с. 94]. Знаменательно, что первые отечественные сборники правовых норм «Русская правда» и «Правда Ярославичей», первая газета большевиков и центральный орган советской печати газета «Правда» своими названиями подтверждают преемственное значение данного понятия на протяжении всей многовековой истории Российского государства.

Развивающаяся в русле тысячелетней цивилизационной традиции Русская идея обладает потенциалом, достаточным для создания привлекательного для многих регионов мира¹⁷ глобального идеологического проекта, жизнеспособность которого

¹⁷ «Китайская, российская и индо-буддистская цивилизации вместе, возможно, образуют систему того не-Запада, от которого будет исходить новая формационная инициатива, демонстративно отвергаемая Западом во имя выгодного ему статус-кво. Этот формационный сдвиг будет, по всей видимости, осуществляться совсем в другом контексте и по другим критериям, нежели те, что предложены европейскими формационными теориями» [Панарин 2003, с. 755].

все же будет зависеть от эффективной внутренней и внешней политики Российского государства, направленной на активизацию использования собственных ресурсов и оптимизацию взаимодействия с социально-политическими системами Европы и Азии, Запада и Востока.

Идеология Правды, Соборности, Державности, обозначающая цель, механизм и основное средство единения народов Евразии в единой цивилизации является, необходимым звеном преодоления современных кризисных тенденций в России. Определенное таким образом современное звучание Русской идеи может послужить также основой разработки одного из вариантов идеологических проектов мировой значимости. Значение этого проекта в системе геацивилизационных взаимодействий Европы и Азии можно проиллюстрировать приведенной ниже таблицей.

Таблица 1

Геоцивилизационные доминанты Азии, Европы и России

Доминанты	Азия	Европа	Россия
Отношение к окружающему миру	Проникновение	Завоевание	Освоение
Тип развития	Эволюционный	Революционный	Мобилизационный
Метафизическая доминанта	ГАРМОНИЯ	ПРОВОСУДИЕ	ПРАВДА
Восприятие времени	Циклическое	Линейное	Концентрическое
Социальный идеал	ИЕРАРХИЯ	ИНДИВИДУАЛИЗМ	СОБОРНОСТЬ
Инициатор преобразований	Государство	Элита	Лидер
Инструментальная доминанта	ЭТАТИЗМ	ЭЛИТАРИЗМ	ДЕРЖАВНОСТЬ
Ключевые понятия-символы	Гармония Иерархия Этатизм	Правосудие Индивидуализм Элитаризм	Правда Соборность Державность

Эффективное использование мобилизационного потенциала неоднократно в российской истории оказывалось залогом успеха в противодействии внешним угрозам безопасности. Но в отношении долговременных внутренних угроз этот механизм не всегда действовал безотказно.

Важнейшим элементом в отечественной социально-политической системе является русская культура: в течение веков принадлежность к цивилизации Руси в отношении конкретных людей независимо от их национальности и вероисповедания определялась тем, разделяли ли они ценности русской культуры.

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

Особенностью русской культуры является восприимчивость к достижениям иных цивилизационных общностей, терпимость в отношении с носителями других социокультурных ценностей, что создает предпосылки к синтезу результатов развития различных типов цивилизаций и обуславливает гибкость и подвижность внутренних структур цивилизации Русь. Этим в значительной степени объясняется многовековая история совместной жизни народов, исповедующих все основные религии мира, но объединенных общими целями развития, общей судьбой в рамках единой цивилизации Руси-России.

В то же время сложившаяся восприимчивость к разнообразным влияниям извне, а также проведение реформ «сверху» без учета цивилизационной специфики Российского государства определили другую качественную характеристику отечественной цивилизации — расколотость, проявляющуюся, в частности, в традиционной оппозиции интеллигенции к правящим кругам и в отсутствии связей сотрудничества между различными слоями общества. Только такие потрясения, как смуты и войны, ставящие под угрозу само существование российской цивилизации, вызывали процессы консолидации всего общества.

Верхние слои цивилизации Русь в периоды усугубления раскола, отрыва от «почвы» склонны копировать модели социального устройства других государств (Польши, Османской империи, Швеции, Голландии, Германии, Англии, Франции, Пруссии... США), устремляясь от развития Русского пути и в результате утрачивая собственную историческую перспективу.

Ф.М. Достоевский считал, что после реформ Петра и его менее талантливых последователей в верхних слоях Российского государства начинает преобладать тенденция саморазрушения, проявляющаяся в отрыве «верхов» от «почвы», что нашло свое отражение в русском барстве. «В полтора столетия предидущей жизни русского барства за весьма малым исключением истлели последние корни, расшатались последние связи его с русской почвой и с русской правдой... К русскому народу они питали лишь одно презрение, воображая и веруя в то же время, что любят его... Они любили его отрицательно, воображая вместо него какой-то идеальный народ, — каким бы должен быть, по их понятиям, русский народ. Этот идеальный народ невольно воплощался у иных передовых представителей большинства в парижскую чернь девяносто третьего года» [Достоевский 1989, с. 39]. Русское барство послужило питательной средой для зарождения западничества в России, ставшим влиятельным идеологическим направлением на рубеже XVII и XVIII столетий. Попытка проведения модернизации по западному образцу сопровождалась европеизацией общества, вначале только его высших слоев, а впоследствии охватившей значительные массы разночинцев, студенчества.

Опасную тенденцию превращения дворянства в замкнутую касту отмечал также представитель умеренного крыла западничества Кавелин. В.О. Ключевский в числе наиболее влиятельных западников XVII в. указывает И.А. Хворостинина, А.Л. Ордина-Нащекина и Ф.М. Ртищева. Со второй половины XVII в. западники (латинники) начали преобладать над восточниками (грекофилами), являвшимися сторонниками концепции «Москва — Третий Рим». Несмотря на то, что утвердившееся в господствующем положении западничество стало объектом критики М.В. Ломоносова, Д.И. Фонвизина, А.С. Грибоедова и других мыслителей, оно в целом оказывало монопольное влияние на формирование сознания высших слоев общества.

Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин (1605—1680), дипломат и политик в царствование Алексея Михайловича

Федор Михайлович Ртищев (1626—1673), окольничий царя Алексея Михайловича, глава разных приказов, просветитель, меценат, основатель Андреевского монастыря, ряда больниц, школ и богаделен

Важно отметить, что западничество является результатом взаимодействия локальных цивилизаций, порождающим сходные социально-политические процессы в различных странах. Преклонение перед ценностями иных социально-политических систем, определенная зависимость от них были характерными в разные периоды для многих народов: Древнего Рима, Ирана, европейских государств Средневековья, Германии, Франции, Англии Нового времени. Подобные тенденции как результат подражания западноевропейским государствам были характерны и для России. В. Зеньковский отмечал, что на протяжении нескольких столетий целые поколения представителей творческой интеллигенции и правящего класса попадали в плен к Западу.

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

Подлинная проблема состоит в том, насколько удачно используется опыт и традиции иных цивилизаций в собственном развитии, как организуется заимствование новаторских идей и технологий, а также их творческое усвоение. От успешного разрешения этой проблемы зависит динамичность эволюции социально-политических систем, их способность достигать свойственных им целей развития, а значит, зависит и эффективность обеспечения безопасности государств и народов, представляющих ту или иную локальную или региональную подсистему Запада, Востока или гецивилизации в целом.

На Востоке в ходе цивилизационных взаимодействий (как это было показано нами на примере Китая, Японии, Индии, мусульманских стран [Ходаковский 2010]) доминирует стремление к сохранению существующих ценностей и традиций. Заимствования происходят, как правило, в той степени, в которой они не нарушают сложившуюся цивилизационную структуру.

В России отношения с западноевропейскими государствами приобретали характер зависимости, порождающей «смесь французского с нижегородским» не только в языке, но и в философии, политике, экономике. Завершение формирования западничества как направления в русской общественной мысли первой половины XIX в., представители которого преклонялись перед западноевропейской культурой, считая ее образцом для подражания в России, было связано главным образом с деятельностью кружка Н.В. Станкевича (1813—1840). Большое влияние на деятельность кружка, наряду с самим Станкевичем, оказывали также Т.Н. Грановский (1813—1855), М.А. Бакунин (1814—1875) и В.Г. Белинский (1810—1848).

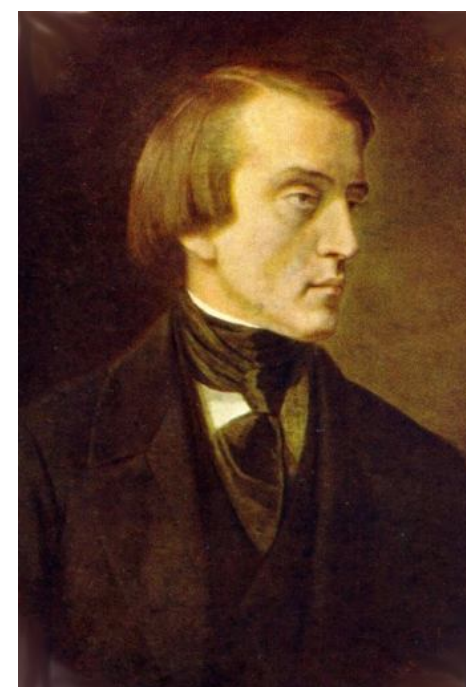
Николай Владимирович Станкевич (1813—1840), писатель, поэт, публицист, мыслитель

Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855), медиевист, историк, профессор всеобщей истории Московского университета

Михаил Александрович Бакунин (1814—1876), панславист, революционер, анархист, один из идеологов народничества

Виссарион Григорьевич Белинский (1811—1848), писатель, литературный критик, публицист, философ-западник

Члены кружка Станкевича изучали Шеллинга, кроме философии они увлекались литературой и музыкой (в литературе их кумирами были Гете, Шиллер, Гофман и особенно Шекспир, в музыке — Бетховен и Шуберт). Через некоторое время интересы членов кружка переориентируются на изучение Гегеля. Именно с деятельностью кружка Станкевича связано первоначальное распространение гегельянства в России. Преклонение перед Гегелем вначале доходило до крайностей; каждое положение из его сочинений воспринималось как абсолютная истина.

Радикальные западники (Герцен, Белинский¹⁸, Огарев), пришедшие к революционному демократизму, обособились от

¹⁸ «Удивительными духовными фигурами являются... «отцы» русского социализма, «западники» Герцен и Белинский. ...За социально-политическими и историко-философскими высказываниями этих атеистов таятся сильные и типично русские религиозные устремления и идеи. ...В социализме Белинского... обнаруживается... тайная и неосознанная религиозная тенденция, ставящая и его в непосредственную близость к славянофильскому образу мышления» [Франк 1992, с. 495].

умеренных, либералов. Западнический кружок продолжил свое существование в той его части, которая являлась либеральной. Идеино он стал теперь более однородным. Произошла смена лидера. После совершившегося в западнической среде размежевания, а также последовавшего вскоре отъезда А.И. Герцена (1812—1870) в эмиграцию (в январе 1847 г.), представителем московского кружка остался Т.Н. Грановский.

В социальных взглядах Грановского важное место отводилось народу. Народ, как считал философ, не есть скопление внешне соединенных лиц, но есть живое единство, система многообразных сил, над которыми властвует одна основная сила. Сущность народа — в народном духе. Великие люди — цвет народа — несут в себе дух народа «в наибольшей красоте». В этом положении творческого наследия Грановского отражается, по нашему мнению, призвание элиты: смысл и цель ее существования.

Значительным в развитии российских либеральных идей является вклад К.Д. Кавелина. На первом месте для Кавелина стоит «стремление к истине, правде и душевной красоте». Эстетический мотив, отвращение к пошлости и грубости определяют стиль его гуманизма. Он писал, что мы не боимся больше вторжения диких орд, но варварство подкрадывается к нам в нашем нравственном растлении: дерево культуры цветет, а корни его гниют.

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

Александр Иванович Герцен
(1812—1870)Николай Платонович Огарев
(1813—1877)Константин Дмитриевич
Кавелин (1818—1885)Дмитрий Иванович Писарев
(1840—1868)

Общественно-политическая позиция Кавелина — последовательный либерализм. В целом он придерживается реформистских взглядов. Понимая движение отечественной общественной жизни как движение «сверху вниз», он отводит особую роль дворянскому сословию. Целью же для России он называет «самодержавную республику», то есть устройство, при котором соблюдается единство интересов государя, высших слоев общества и основной массы населения, представленной крестьянством. Привести же к этому могут отнюдь не политические, а административные реформы, проводимые «сверху», то есть правящей элитой.

Умеренность воззрений либерального крыла западничества с лихвой перекрывалась максимализмом радикалов. Наиболее ярко эта черта проявилась у В.Г. Белинского: «Итак, я теперь в новой крайности, — это идея социализма, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания. Все из нее, для нее и к ней. Она вопрос и решение вопроса. Она (для меня) поглотила и историю, и религию, и философию». Новая идея порождает предпосылки возникновения новых социальных отношений: «Я начинаю любить человечество маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную... Отрицание — мой бог. В истории мои герои — разрушители старого — Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон («Каин») и т.п. Рассудок для меня теперь выше разумности (разумеется — непосредственной), и потому мне отраднее кощунства Вольтера, чем признание авторитета религии, общества, кого бы то ни было!» (цит. по: [Хрестоматия по истории философии... 1997, с. 159]).

Как будто подтверждая характеристику Достоевского («отделясь от народа, они естественно потеряли и Бога. Беспокойные из них стали атеистами; вялые и спокойные — индифферентными» [Достоевский 1989, с. 39]), М.А. Бакунин заявляет: «Ревниво влюбленный в человеческую свободу и рассматривая ее как абсолютное условие всего, чему мы поклоняемся и что уважаем в человечестве, я перевертываю афоризм Вольтера и говорю: если бы Бог действительно существовал, следовало бы уничтожить его...» (цит. по: [Хрестоматия по истории философии ... 1997, с. 189]). По мнению Бакунина, грядущий переворот приведет к рождению новой религии: «Мы накануне великого всемирного исторического переворота... он будет носить не политический, а принципиальный, религиозный характер... Речь идет не меньше, чем о новой религии, о религии демократии...» (цит. по: [Зеньковский 1991, с. 47]).

Подобно Чернышевскому и Добролюбову, Д.И. Писарев (1840—1868) в ранней юности, как указывает Н.О. Лосский (1870—1960), глубоко верил в Бога: «Во время учебы в университете он примкнул к кружку религиозных мистиков, давших обет вечного безбрачия. Возможно, что это излишество религиозного пыла послужило одной из причин вероотступничества двумя годами позднее» [Лосский 1991, с. 71]. Пройдя через мировоззренческий кризис, Писарев стал приверженцем вульгарного материализма Фогта, Молешотта и Бюхнера. Полагая, что «можно выразить смелое предположение, что разнообразие пищи, ведущее за собой разнообразие составных частей крови, служит основанием разносторонности ума и гармонического равновесия между разнородными силами и стремлением характера» [Лосский 1991, с. 71], он считал, что оживленная интеллектуальная деятельность в XVIII в. была результатом потребления возбуждающих напитков — чая и кофе.

Писарев объяснял поведение людей побуждениями эгоизма и проповедовал освобождение личности от любого рода принуждения. Согласно Писареву, делать добро — значит быть полезным народу и получать удовольствие от такой деятельности, то есть выполнять работу свободно, без принуждения со стороны власти, а также без влияния такого понятия, как чувство долга.

Писарев (которого современные словари и энциклопедии называют литературным критиком и философом) с презрением относился к искусству и философии. Он заявлял, что пара ботинок для него ценнее всего творчества Шекспира. Подобно Бакунину, Писарев проповедовал разрушение. «Что может быть сломано, — говорил он, — должно быть сломано. Стоит любить только то, что выдержит удар. Что разбивается вдребезги, то хлам. В любом случае бей направо и налево. Это не принесет и не может принести вреда» [Лосский 1991, с. 71].

Более основательное в теоретическом плане либеральное крыло оказало менее значительное, в сравнении с радикала-

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

ми, воздействие на социальное развитие России. Возможно, именно примитивность в сочетании с агрессивностью обеспечили преимущество революционерам-радикалам в кризисной ситуации начала XX века. Если умеренное западничество было уравновешено, а затем и преодолено славянофильством¹⁹, то несостоятельное в научном плане радикальное крыло, оказав-

¹⁹ Возглавляемое А.С. Хомяковым и И.В. Киреевским движение получило название «славянофилы», первоначально относящееся к А.С. Шишкову и его сторонникам, которые в конце XVIII в. пытались возродить традиции и ценности русской старины, в том числе и церковнославянский язык. Рождение нового славянофильства связывают с выходом в свет в 1839 г. сочинения А.С. Хомякова «О старом и новом».

шись в маргинальном положении, осталось без достаточного внимания со стороны ведущих мыслителей того времени.

Ф.М. Достоевский отмечал, что человечеству внутренне присущи два закона: закон самосохранения и закон самоуничтожения. В равной степени этим законам подвержены все слои общества, но в структурах элиты их проявление приобретает особую значимость. Преобладание деструктивного начала превращает элиту в разрушителя всей социальной системы²⁰.

²⁰ «...Нам не верят, все нас ненавидят, — почему? Да потому, что Европа инстинктом слышит и чувствует в нас нечто новое и на нее несколько не похожее. В этом случае Европа совпадает с нашими западниками; те тоже ненавидят Россию, слыша в ней нечто новое и ни на что не похожее» [Достоевский 1980. т. 27, с. 62].

Русское барство и западничество породило такое явление, как «отщепенство». Лев Тихомиров писал: «К тому времени, когда мое поколение сдавалось на руки обществу, у нас уже была создана целая либеральная культура, отрицательные, по преимуществу антирусские стремления которой дошли в 60-х годах до апогея. Это было время, когда молодой блестящий подполковник Генерального штаба (Соколов²¹, впоследствии эмигрант) пред судом публично горделиво заявил: "Я нигилист

²¹ Соколов Николай Васильевич (1832—1889) — русский революционер, нигилист. Сотрудник журнала «Русское слово» в 1860-х гг. В 1867 сослан сначала в Архангельск, затем в Астраханскую губернию, откуда в 1872 бежал за границу.

и отщепенец". Военная молодежь шла в польские банды, чтоб убивать своих соотечественников для дела восстановления Польши, как будто выбирая девизом: "Где бунт — там отечество". Русская либеральная печать одобрила это безобразие...» [Тихомиров 1997, с. 78].

Генезис и эволюция отщепенства были исследованы в начале XX в. П.Б. Струве. Он указывал: «Это отщепенство и есть та разрушительная сила, которая, разлившись по всему народу и сопрягшись с материальными его похотями и вожделениями, сокрушила великое и многосоставное государство» (цит. по: [Пути Евразии... 1992, с. 274]).

Процессы формирования российской элиты последних десятилетий в значительной степени определяются тем всплеском неозападнических радикалистских идеологических кампаний, который произошел с началом «перестройки». И, как столетие назад, сплав агрессивности и примитивизма исключал саму возможность ведения конструктивного идеологического диалога. Слова «русский» и «патриот» употреблялись прозападными СМИ в качестве ругательств.

В течение десятилетия реформ в конце XX в. радикализм правящего слоя постепенно сменялся либерализмом, но по своей сути и современная власть предрасполагающая элита остается порождением западничества. Знаковым в связи с этим является преобладание в высшем управленческом эшелоне представителей Санкт-Петербурга, города, название которого было символично изменено на немецкий манер. При всех попытках современного руководства проводить независимый внешнеполитический курс страны, а также минимизировать катастрофические последствия радикальных социально-экономических реформ западничество остается основной мировоззренческой характеристикой постсоветской власти в России. Западничество является ограничителем способности российской элиты эффективно выполнять свои управленческие функции в современных условиях.

В новейший период развития Российского государства альтернативой западничеству является евразийство. Началом формирования евразийства как самостоятельного идеологического движения является публикация в августе 1921 года в Софии сборника статей Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского и Г.В. Флоровского «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев».

В разработке евразийской концепции приняли участие философы (Л. Карсавин, Н. Лосский, Б. Вышеславцев), богословы (Г. Федотов, Г. Флоровский, В. Зеньковский), правоведы (В. Ильин, Н. Алексеев), географы (Г. Вернадский), экономисты (П. Савицкий, П. Сувчинский), писатели (Вс. Иванов, Э. Хара-Даван), историки и литературоведы (А. Шахматов, Д. Святополк-Мирский, В. Никитин), лингвисты и культурологи (Н. Трубецкой, Р. Якобсон) и др. Связующим звеном евразийства с неоевразийцами стал Л. Гумилев (1912—1992).

В определенной степени евразийство, развивая наследие славянофилов и «почвенников» пришло на смену теряющему влияние панславизму (системе идей славянской культурно-политической взаимозависимости, выражавшейся в стремлении создать конфедеративный союз всех славян или федерацию под эгидой русского народа): в ходе Первой мировой войны (как и позже во Второй) славянские народы оказались втянутыми в противоборствующие союзы. Идеал всеславянского союза не выдержал проверку временем. «Концепциям евразийцев присущ ярко выраженный антиевропоцентризм, лишь относительно совпадающий с антиевропоцентризмом в русской историографии XIX в. Славянофилы и их последователи стремились прежде всего доказать право России на самобытность. Перед евразийцами стояла другая задача: выявить причины революции 1917 г., которая привела к краху традиционной русской культуры — вопреки всем пророчествам большинства их предшественников. Соответственно, евразийцы развили идею Данилевского о том, что

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

ориентация на Европу, болезнь подражательности, которой страдает еще не достигшая уровня цивилизации русская культура, может привести ее к гибели» [Хачатурян 2004, с. 194].

Слева направо: Петр Николаевич Савицкий (1895—1968), Николай Сергеевич Трубецкой (1890—1938), Петр Петрович Сувчинский (1892—1985)

Обложка сборника «Исход к Востоку: Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921)

Лев Николаевич Гумилев (1912—1992)

«В ходе первой мировой войны стало трагически ясно, что Россия так отлична от индустриальных европейских наций, что утверждать западную суть России — значит не видеть главных ее социально-психологических характеристик. Говоря словами Н.С. Трубецкого, война "смыла белила и румяна гуманной романо-германской цивилизации и теперь потомки древних галлов и германцев показали миру свой истинный лик — лик хищного зверя, жадно лязгающего зубами". Такой лик не привлекал Россию, ощутившую к тому же, что ей не одолеть индустриальной мощи Германии. На полном ходу Россия сошла в 1917 г. с западной колеи развития. Внезапно рухнувшая прозападная культура России остро поставила вопрос об отношении России к Европе, к Западу в целом. Поразительная легкость, с которой рухнула эта культура, немедленно вызвала к жизни идеи о неорганичности западного влияния в России, об особенностях ее пути, не обязательно ведущего к сближению с Западом. Слом старой системы, неотчетливые новые ориентации, понимание невозможности возврата к прежнему, ощущение начала новой эпохи, привели часть интеллигенции к мысли о необходимости выявления базовых обстоятельств и отсеечения второстепенных» [Уткин 2000].

Ключевой идеей евразийства стало признание и всестороннее обоснование самобытности исторического пути России. «Россия-Евразия — это особый географический и культурный мир», — провозгласили евразийцы. «Евразийцы предложили категорию месторазвития в качестве главной категории анализа. Призывая к созданию некоторой синтетической науки геософии, они имели в виду, говоря сегодняшним языком, целостное учение о цивилизации. Ее культурно-историческое своеобразие складывается и утверждается в ходе длительного взаимодействия общества как конкретного социального организма с окружающей его природной средой» [Шевченко 1995, с. 37].

«Суть теории евразийства в том, что миссией России является восстановление равновесия между Азией и Европой, нарушенного возвышением Запада. Новейшие судьбы России, начиная с XXI в., следует рассматривать не как движение в направлении Европы, как к центру мирового притяжения, а как грандиозную попытку восстановления смещенного Западом истинного центра и тем самым воссоздания "Евразии". Этим Россия сама обретала функции мирового центра. Евразийцы увидели Россию в функции центра Старого Света не только в общеисторическом и общекультурном, то есть в умозрительном смысле, но и в хозяйственно-географическом. Этот центр охватывает всю совокупность исторического степного мира, всю центральную область старого материка. Вне остаются континентальные "окраины" — Западная Европа, Китай, Индия, выдвинутые в море. Эти регионы обращены преимущественно к ведению хозяйства океанического. Экономика же России — Евразии составит в будущем, в перспективе особый внутриконтинентальный мир. Евразийцы очень надеялись, что этот мир будет автономным, независимым от Запада» [Уткин 2000].

Теоретическим фундаментом евразийства послужило развитие теории всеединства и в частности концепция «симфонической личности» Л.П. Карсавина. Субъектом истории, по Карсавину, является человечество как реальная «симфоническая личность», все человечество как единство во всем его времени и пространстве, в идеале как совершенное всеединство. «Концепция "симфонической личности" побуждала евразийцев поднять проблему поликонфессиональности России. Соборное единство переосмыслилось в аспекте единства, точнее симфонии, многих вероисповеданий, в котором находилось место языческим верованиям, буддизму и исламу» [Хачатурян 2004, с. 198].

Россия, по мнению евразийцев, всегда выступала объединителем земель и в этом заключалась определенная геополитическая задача, которую решала Россия по отношению ко всему территориальному пространству материковой Евразии. «В широтном направлении российская равнина предлагает три разные коммуникативные формы между Атлантикой и Тихим океаном. Самая древняя из них — это великий шелковый путь, унаследованный российской цивилизацией от

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

Востока. Вторая — великий северный путь, открытый и освоенный русскими первопроходцами в XVI–XVII вв. Третья, срединная, восходит к походам Ермака и получает завершение в индустриальную эпоху, от транссибирской магистрали, проложенной в конце XIX в., до Байкало-Амурской магистрали, построенной в 70-х гг. XX в. Сегодня все эти три формы получают значение альтернативных вариантов "евразийства": российского, тюркского и конфуцианско-буддийского. Россия не противопоставляла эти варианты, а постепенно сближала их, выстраивая в единое коммуникативное межкультурное поле, в котором интеграция и синтезы преобладают над жесткими дилеммами и противопоставлениями» [Панарин 1999, с. 221]. «Среди многочисленных жертв безудержной экспансии Запада Россия находится, с точки зрения евразийцев, в совершенно особом, уникальном положении. Она лежит на пути к колоссальной Азии, где живет половина человечества. И она не только ближе к Азии географически, она содержит в своем менталитете черты, делающие ее более близкой Азии, идеальным посредником между средоточием могущественного меньшинства и местообитанием отставшего в своем развитии большинства. В этом ключ. России предназначено быть мостом между Западом и Востоком, ее судьба — быть умелым посредником, осью мирового баланса» [Уткин 2000].

Высокая интеграция в сфере русской культуры²² в определенные исторические периоды не дополнялась должной консо-

²² «Культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из простого населения — народом, нацией. В понятие "культура" должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственность и моральные нормы поведения людей и государства... Культура — это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации» [Лихачев 1994, с. 3].

лидацией социальных элементов. Соборности, «идеи великой общины», «целого гражданского мира» по мысли основоположника славянофильства А.С. Хомякова, в истории России противостоят начала разъединенности, отражающиеся на жизни сословий Российского государства. И если в эпоху Владимира Великого, Владимира Мономаха, в период формирования единой системы Московского служилого государства преобладал объединительный потенциал, то во времена усобиц, реформ, направленных на заимствование ценностей иных социально-политических общностей, связующие звенья социального организма ослабевают, усиливается потенциал разрушения.

В качестве удачного синтеза разнородных начал отечественной цивилизацией можно привести русскую культуру Серебряного века. В этот период полярные по своей ориентации, противоречивые по содержанию направления отечественной культуры образовали мощный единый духовный поток. Единение было достигнуто не за счет смешения или компромисса: оба течения, сохраняя свои особенности, слились за счет одновременного выхода на новые качественные уровни, подобно двум рекам, вышедшим из берегов. Синтетичность этого периода отразилась в характеристике взаимодействия западников и славянофилов того времени, данной Герценом, сравнивающим два течения общественной мысли России с двуглавым орлом: смотрели в разные стороны, а сердце билось одно.

Синтез сменился раздвоением, а затем разрывом преемственности, попыткой построения новой структуры социальной общности после разрушения до основания. Трагическую роль в этом разрушительном процессе сыграла русская интеллигенция, оставшаяся глухой к призыву Вл. Соловьева: «...Мы, имеющие несчастье принадлежать к русской интеллигенции, которая вместо образа и подобия Божия все еще продолжает носить образ и подобие обезьяны, — мы должны же наконец увидеть свое жалкое положение, должны постараться восстановить в себе русский народный характер, перестать творить себе кумира из всякой узкой ничтожной идейки, должны стать равнодушнее к ограниченным интересам этой жизни, свободно и разумно уверовать в другую, высшую действительность» [Соловьев 1989, т. 1, с. 31].

Но уже с тридцатых годов XX в. Советский Союз принимает на себя традиционные геацивилизационные обязанности Российской империи: в том числе геополитические и социокультурные. В основном они относились к противостоянию с Западом и были успешно выполнены (Советский Союз остановил экспансии Германии и США, сохранил мировой статус русской культуры). «Подобно тому, как после 1613 г. Россия первых Романовых во главе с Филаретом решительно отгораживается от Западной Европы, Сталин после 1945 г. жестко проводит водораздел между восточноевропейским и атлантическим миром. Поразительно, но еще при дворе Александра Михайловича строили планы реализованного Сталиным Беломорско-Балтийского канала. Равным образом была избрана первая гигантская тюрьма — Соловецкий монастырь, место ссылки в далекие годы Ивана Грозного. В тюрьмы ГУЛАГа пошла та прозападная интеллигенция, которая пыталась приблизить страну к атлантическому миру. Режим, с молчаливого согласия запуганных и добровольно присоединившихся жителей страны, осуществил попытку модернизации не в союзе с западным миром, а самостоятельно или даже противостоя этому миру» [Уткин 2000]. Но запаздывание изменений в ключевой для Руси идеологической сфере подорвало внутреннюю стабильность государства и привело к его распаду. В результате этого критически обострились проблемы безопасности во всех сферах жизнедеятельности Российского государства. Их разрешение рассматривается как первоочередная задача современной российской действительности.

Философ и дипломат К.Н. Леонтьев (1831—1891) отмечал, что Россия не просто государство, Россия, взятая в целом, со всеми своими азиатскими владениями, — это целый мир особой жизни, особый государственный мир, не нашедший еще себе своеобразного стиля культурной государственности²³. Возможно это связано с ролью славянства в Евразии, характеризу-

²³ «Гармония не есть мирный унисон, а плодотворная, чреватая творчеством, по временам жестокая борьба» (цит. по: [Зеньковский 1991, т. 1, ч. 2, с. 47]).

емой А.С. Панариным следующим образом: «Драматизм славянской судьбы состоит в пограничном статусе славянства: ни

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

Запад, ни Восток по-настоящему не считают его своим и на крутых поворотах истории неизменно склоняются к тому, чтобы решить свои проблемы за его счет. Этому немало способствует и демографическая малочисленность славянства (по глобальным меркам), и его слабая организованность, и излишняя пластичность его культуры, готовой усваивать и адаптировать противоречивые импульсы Востока и Запада. Уникальность России среди всех славянских народов состоит в том, что только ей удалось создать прочную государственность, способную выживать в крайне жесткой геополитической среде, постоянно осаждаемую с разных сторон евразийского континента» [Панарин 1999, с. 224].

Н.Я. Данилевский, отмечая в сравнении особенности славянского культурно-исторического типа «на основании существенного характера доселе бывших цивилизаций», указывал: «...Без плодотворного взаимодействия сродных между собою, освобожденных от чуждой власти и влияния народных единиц, на которые разделяется племя, невозможно разнообразие и богатство культуры. ...В отношении к славянам это необходимое предварительное достижение политической независимости имеет, в культурном, как и во всех прочих, отношении, еще ту особенную важность, что сама борьба с Германно-Романским миром, без которой невозможна славянская независимость, должна послужить лекарством для искоренения той язвы раздражительности и рабского отношения к Западу, которая въелась в славянское тело и душу путем некоторых неблагоприятных условий их исторического развития» [Данилевский 1995, с. 430].

В Западной Европе, начиная с XII века, ассимиляция славян романскими и германскими племенами изолировала этот регион от славянского влияния. В Южной Европе наиболее успешными, но исторически краткосрочными были попытки создания мощных государств в Сербии и Болгарии. Русь испытывала плодотворное влияние культуры этих держав, оказывая им в течение веков политическую и военную помощь и создавая славянское государство в Восточной Европе.

Восточнославянские народы никогда не стремились к ассимиляции соседних племен. Указывая на этнический состав Древней Руси летописец перечисляет народы, которые не только сохранили свое культурное своеобразие в наши дни, но и формируют, или пытаются формировать собственную государственность²⁴. В отличие от романо-германских, государства

²⁴ «...Чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливы — эти говорят на своих языках, они — от колена Иафета и живут в северных странах» [Повесть временных лет 1997, с. 10].

Руси создавали на своей территории условия для сохранения и развития культурно-исторических особенностей народов, принадлежащих к иным этническим семьям. Наиболее многочисленными из них были угро-финские и тюркские племена. Объединенные общностью исторической судьбы более сотни народностей веками создали единое государство, единую синтетическую социально-политическую систему, неотъемлемой чертой которой стал полиэтнизм.

Российское государство ответственно за сохранение Славянства как геоцивилизационной величины. «...Не сохраниться без России славянам, исчезнуть с лица земли вовсе...» [Достоевский 1989, с. 390]. Без России славянство как элемент геоцивилизации прекратит свое существование. «Для существования славян необходима мощь России», — справедливо отмечал К.Н. Леонтьев [Леонтьев 1993, с. 53].

Отсутствие природных рубежей, ограждающих восточных славян от вторжений народов Востока и Запада, возможность обогащения в процессе взаимодействия с цивилизациями различных типов и в то же время необходимость противостояния им сформировали синтетический характер социально-политического процесса восточнославянских народов.

Неудачи в синтезе, попытки упрощения в решении задач развития приводили к раздвоенности, поляризации или односторонней ориентации в различных сферах, «...плодя особенно отвратительные формы квазицивилизации», которые П.Н. Миллюков, оппонировав в 1920-х годах понятию «Евразия», назвал термином «Азиопа», обозначающим «дурной синтез цивилизаций»: «западный» принцип плюрализма политических партий сочетается у нас с «восточным» принципом их структурирования как противостоящих кланов, выстраиваемых... под конкретного лидера...» [Кара-Мурза и др. 1995, с. 12].

В современной внутривнутриполитической жизни России «Азиопа» проявляется в таких разнообразных формах, как безответственность и бесконтрольность власти, слабость парламентаризма и институтов гражданского общества, неразвитость бесконфликтных форм борьбы политических сил. Эти квазицивилизационные особенности российского социума оказали двойственное, противоречивое воздействие на современное развитие Российского государства.

С одной стороны и в конечном итоге они ослабляют государство, подрывают устойчивость политической системы и эффективность экономики, затрудняют выработку единого внешнеполитического курса, безусловно, связанного в современных условиях и с выбором стратегии развития в целом, снижая тем самым общий потенциал Российской Федерации как геополитического субъекта. А, с другой, — стали причиной того, что государство в России всегда играет особую роль, выступая как эффективный (иногда единственный) социокультурный механизм установления и поддержания согласия в общественно-политической жизни.

Государство в России стояло (и стоит) над обществом, жестко обеспечивая его единство и развитие, подавляя личность и отдельные социальные группы. История русских смут свидетельствует, что как только государство в силу тех или иных причин становилось слабым и неэффективным, следовал глубочайший кризис всего общества, сопровождающийся политической дезинтеграцией, будь то Российская империя или Советский Союз [Панарин 1996, с. 328].

В социально-политическом аспекте реализация в России конструктивной синтетической модели Евразии связана с преодолением феномена «Азиопы». «К сожалению, некоторые теоретики евразийство ассоциируют с уходом страны в Азию, хотя само понятие "Евразийство" Европу ставит на первое, а не на второе место. ...Паническое бегство мысли некоторых

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

авторов в Азию обусловлено теми потерями, которые Россия понесла в связи с распадом СССР. Однажды Россия, проделывая путь Чингиз-Хана в обратном направлении, интегрировала под своим началом гигантскую территорию, став, таким образом, биконтинентальной. С Россией граничат 16 государств мира. С распадом СССР существенно изменились границы страны, сузились выходы к морю. Ухудшилась геополитическая обстановка на морских границах на Балтике, где ее протяженность сократилась более чем втрое. Она существенно ухудшилась на Черном море. Потеряны лучшие порты, центры судостроения (Одесса, Николаев, Севастополь, Ялта). На Каспийском море утрачены не менее значимые позиции. Неизменными остались границы России лишь на Тихом и Северном Ледовитом океане» [Хабибуллин 2001, с. 95].

В данном аспекте экспансионистская политика Запада в отношении Российского государства может быть интерпретирована как попытка устранения опасного конкурента с политической арены. Идеология «демократического плюрализма» активно использовалась сторонниками либеральных реформ для обоснования рыночных преобразований в России²⁵. Под

²⁵ «...Мы уже предпринимаем меры для усиления хаоса, когда содействуем демократии, рыночным реформам, когда развиваем негосударственные средства массовой информации» [Mann 1998].

предлогом обеспечения открытости и самоорганизации общества все новые сферы социальной жизни выводились из-под воздействия государственных структур управления. При этом замалчивались геополитические особенности Российской Федерации, не позволяющие нашей стране конкурировать в рыночных условиях на равных с западными государствами.

Оттеснение России в Азию сопровождается стремлением раздробить европейскую часть нашей страны. «...наряду с технологией пробуждения этноконфессиональной архаики, направленной против российского цивилизационного синтеза, геостратегами НАТО апробируются также технологии пробуждения конфликтующих первородных стихий Суши и Моря. В частности, "палеонтология географии", наряду с археологией культуры, сегодня используется атлантистами для разжигания противостояния Петербурга и Москвы. На факультете международных отношений ЛГУ, а также в среде некоторых культурологов, финансируемых посредством американских фондов, апробируется идея об атлантической идентичности древних республик Новгорода и Пскова, впоследствии разрушенных азиатской Московией, а также об атлантической идентичности Петербурга. Эти олицетворения свободного Океана временно были захвачены враждебным им по сути континентом, попытавшимся сковать вольные стихии океанического "открытого общества" обручем деспотической "закрытой" государственности. В интеллектуальном окружении Д.С. Лихачева получила хождение концепция "скандовизантии" — союза Черного и Балтийского морей, воплощенного в Киево-Новгородском политическом и культурном синтезе Древней Руси. Эту свободолюбивую Русь, тяготеющую к вольным пространствам Атлантики, впоследствии и закалила зловещая континентальная Московия, воплощающая "славянотюркию", что якобы и представляло собой преступное похищение Европы деспотической Азией. Напрашивается недвусмысленный вывод: крушение Советского Союза открывало возможности освобождения пленницы и возвращения ее в материнское лоно. Эта концепция признает, что программа возвращения России в "европейский дом" была чистой утопией. Но если скорректировать такую программу посредством выделения некогда затонувшей, но ныне выплывающей российской Атлантиды — Петербурга как особого атлантического анклава, то возвращение в Европу становится реальностью — ценой решительного дистанцирования "европеизированного" анклава от континентальной России, неуклонно вытесняемой в Азию» [Панарин 1999, с. 226–227].

В настоящий период эволюция современных социально-политических систем испытывает влияние двух противоречивых тенденций развития мирового сообщества. Одна из них связана с возросшим значением на международной арене группы индустриально развитых стран, пытающихся отстаивать моноцентричную модель структуры международных отношений. Глобальную диктатуру можно назвать «глобальным лидерством», вассалов — союзниками, но сущность «нового мирового порядка» от этого не изменится. «Гипотетический однополюсный мир никак и никем не будет сбалансирован. Если он станет реальностью, неравномерность развития государств будет проявляться преимущественно в антагонистических формах. ...Среди некоторых исследователей международных отношений распространена точка зрения, согласно которой в настоящий момент может сложиться международная система с одним центром — Соединенными Штатами (к этому, мол, дело идет вне зависимости от воли других стран), но в дальнейшем ряд других государств или их объединений смогут претендовать на роль системообразующих центров на мировой арене. Такая предполагаемая последовательность чревата коллизиями с возвращением мирового сообщества к жесткой глобальной конфронтации» [Примаков 2002, с. 149].

Вторая тенденция отражает объективную необходимость активного участия в международной политике государств, отличающихся характером и уровнем своего социально-экономического развития. Развитие данной тенденции сопряжено с формированием полицентричной структуры мирового сообщества и отвечает интересам обеспечения безопасности большинства государств мира, в том числе и Российской Федерации.

Сложность и многомерность современных проблем развития и безопасности связаны с тем, что особенности процессов глобализации усиливают первую из указанных тенденций, а в рамках формирования региональных сообществ выработываются альтернативные моноцентризму варианты развития структуры межгосударственных отношений. Применительно к условиям определенного государства сочетание глобального и регионального аспектов развития и безопасности принимает разнообразные формы. Так, например, Российская Федерация в качестве члена Совета Безопасности ООН и обладателя мощнейшего арсенала ядерного оружия вправе претендовать на статус державы глобального значения. В то же время низкий уровень российского экономического потенциала, ограничивающий возможности оказывать реальное политическое влияние в масштабах мирового сообщества, способствует сведению роли России до уровня вто-

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

ростепенных государств. При этом в значительной степени остаются незадействованными и важнейшее региональное геополитическое значение России, ценнейший многовековой опыт интеграции в едином государстве разнородных этноконфессиональных групп, неоспоримый отечественный вклад в развитие мировой культуры.

В современных условиях политика Российского государства формирует под влиянием противоречивого взаимодействия стратегий атлантизма и континентализма. Итоги двух мировых «горячих» войн и одной «холодной» войны XX века в целом являются безусловным успехом **стратегии атлантизма**. Основы данной стратегии как системы политико-дипломатических, экономических и военных мер закладывались в ходе реализации имперской политики Великобритании, придерживающейся в течение пяти веков принципа: союзники не могут быть постоянными, постоянными могут быть только национальные интересы. Появление сильного, способного доминировать в Европе государства традиционно расценивалось государственными мужами этой страны как основная угроза собственной безопасности. Поэтому Великобритания создавала коалиции против таких государств.

«Иллюстрацией этого принципа является противостояние Елизаветы I посягательству на главенство в Европе испанцев, война герцога Мальборо с армией Людовика XIV в начале 18 века и многолетняя кампания герцога Веллингтона против наполеоновских войск. ...Поколению Уинстона Черчилля пришлось решать в XX веке ту же историческую задачу — отражать посягательства на владычество в Европе — на этот раз со стороны Германии при кайзере Вильгельме Втором и Гитлере» [Уткин 2003, с. 79, 631]. В реализации этого принципа Британская империя не считалась с потерями недавних союзников. Так после капитуляции Франции 22 июня 1940 г. У. Черчилль, предотвращая возможность усиления Германии французскими кораблями при высадке на Британские острова, отдал приказ о нанесении удара по военноморской базе в Мерс-эль-Кебире (Оран). 4 июля залп средиземноморской эскадры Великобритании привел к выведению из строя двух крейсеров бывших союзников и гибели 1200 французских моряков.

В XX в. результаты успеха стратегии атлантизма сказывались не только в ходе военного противоборства, в котором континентальные государства ставили друг друга на грань выживания, но и в послевоенном урегулировании. В ходе искусных дипломатических маневров целенаправленно закладывались основы грядущих конфликтов в Европе, и ограничивался рост влияния потенциальных противников атлантизма: в первую очередь, России, Германии и Франции.

Одна из неизменных установок атлантизма, четко прослеживаемая и в наше время, состоит в стремлении создать «санитарный кордон» от Балтики до Черного моря, разрезая Европу в меридианном направлении. Для этого создаются и поддерживаются режимы, коалиции, враждебно настроенные по отношению к России и Германии. Показательным является то, что еще 22 августа 1941 г. Совет по внешним сношениям (главное учреждение в системе властной элиты США, которое с 1916 г. по настоящее время разрабатывает важнейшие стратегические проблемы) сделал следующий вывод: «Военный результат этой войны решит судьбу не только большевистского режима; он может обусловить огромный процесс перегруппировки сил от Богемии до Гималаев и Персидского залива. ...Ключ к этому лежит в реорганизации Восточной Европы, в создании буферной зоны между тевтонами и славянами» (цит. по: [Нарочницкая 2004, с. 143]).

В стратегии атлантизма на региональном уровне первоочередными целями очередного «Броска на восток» являются Калининградская область и российская Арктика.

С античной эпохи территория современной Калининградской области, известная в те времена как Страна янтаря, играла важную роль в сложившейся системе торговых и транспортных коммуникаций. Еще две тысячи лет тому назад в разветвленной сети дорог Римской империи важную роль играл Янтарный путь, соединяющий юго-восточное побережье Балтийского моря с Римом и позволяющий путешествовать быстрее, чем морским путем. Днепр, как и другие судоходные реки Европы, также представлял собой удобный и налаженный маршрут, связывающий Страну янтаря с восточными славянами, греческим и арабским Югом. Поэтому неизбежной была борьба за эту землю ведущих государств Европы. Балтийский регион в ходе многих столетий является ареной интенсивного взаимодействия Востока и Запада, что определяет его ключевую стратегическую значимость и в настоящее время.

В средневековье контроль над значительной частью территории, составляющей в античную эпоху Страну янтаря, установил Орден Девы Марии (Тевтонский). Вытесненный из Палестины орден создает на периферии Священной Римской империи уникальное государство, правители которого умело балансировали между церковными и светскими европейскими властными центрами и добились значительных военно-политических и экономических успехов (см. [Тынянова 2010]). Развивалась торговля, особенно интенсивно с Новгородом. Строились крепости, многие из которых стали основанием городов. Рыцарской эпохе обязан своим рождением замок Кенигсберг. В русской дипломатической переписке замок упоминается под именем Вышгорода, символически отражая неординарную судьбу города, в котором впоследствии короновались прусские короли.

В эпоху Реформации Кенигсберг стал столицей первого протестантского государства. Но полыхавшие по всей Европе религиозные войны не достигли Восточной Пруссии. Политическая периферийность Кенигсберга способствовала его становлению в качестве одного из экономических и культурных центров Европы. Созданию условий для экономического развития региона способствовала также миграционная политика прусских правителей, включающая также такие меры, как предоставление убежища различным общинам протестантов и другим гонимым в различных европейских государствах. Вчерашние беженцы не только значительно расширяли торговые связи Кенигсберга, но и привносили в экономику новые технологии производства, что создавало дополнительные источники процветания региона.

Плодотворное взаимодействие представителей различных народов и вероисповеданий оказало значительное влияние

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

на формирование психологических особенностей и культурных традиций жителей региона. Исторически продолжительный период времени Пруссия сохраняла анклавный характер, что способствовало формированию таких особенностей менталитета, как независимость, склонность к самоуправлению.

Своеобразным образом стремление к автономности жителей Пруссии проявилось в ходе Семилетней войны. При отсутствии возможностей противостоять русским войскам 21 января 1758 г. прусская делегация вступила в переговоры, предложив такие условия капитуляции, которые предоставили возможность не только сохранить прежний уровень жизни населения провинции, но и получить права, которыми не пользовалась ни одна губерния России. Примечательно, что впоследствии указом императрицы Елизаветы Петровны русскому флоту предписывалось оказывать поддержку внешней торговле Кенигсберга.

В свою очередь, экономические достижения также способствовали культурному развитию. В прусскую столицу приглашались известные деятели эпохи Возрождения, в том числе и Николай Коперник. Развивалась издательская деятельность, Кенигсберг стал родиной литовского книгопечатания. 17 августа 1544 г. была открыта Кенигсбергская академия, в стенах которой учился и работал выдающийся мыслитель, именем которого называли его родной Кенигсберг: «город Канта». В эпоху Просвещения проявили себя также такие представители восточно-прусской культуры, как Готшед, Гаман и Гердер, повлиявшие на развитие немецкой литературы и философии Нового времени.

Калининградская область, являющаяся преемником уникального государственного образования, экономического и культурного центра мировой значимости, обладает историческими предпосылками для подтверждения статуса региона-новатора. Но для этого необходимо разрешить сложный комплекс противоречий в отношениях России и Запада, неоднократно в истории проявляющийся в ожесточенных вооруженных сражениях. (В первую мировую войну Восточная Пруссия была единственной частью территории Германии, на которой шли боевые действия). В идеологии государств — участников конфликтов важное место занимала интерпретация исхода крупных баталий, их рассмотрение как взаимосвязанных, составляющих последовательные серии атакующих и ответных ударов в многовековой схватке противников. Примечательной в этом плане являлась немецкая трактовка поражения армии Самсонова (август 1914) как реванша за исход Грюнвальдской битвы (1410), ознаменовавшей закат деятельности Тевтонского ордена (так со ссылкой на Людендорфа указывает [Брагин 1947, с. 159]; см. также: [Пахалюк 2008, с. 103]).

В то же время необходимо отметить, что в последние годы в регионе наметилась тенденция снижения конфликтного потенциала взаимодействия ведущих держав мира. Не в последнюю очередь, это объясняется подтверждением статуса Калининградской области в ходе присоединения ГДР к ФРГ. Правовой статус Калининграда в настоящее время не вызывает вопросов не только у юристов-международников, но и у здравомыслящих политиков.

Но экономическая жизнь Калининградского региона осложняется тем, что расширение НАТО и ЕС на восток превратили Калининградскую область в анклав: ненормальная ситуация в истории Кенигсберга. Экономические трудности Калининградской области используются дельцами от политики для того, чтобы оторвать регион от России если не «де-юре», то «де-факто». По-прежнему Калининградскую область можно считать Малой землей, отделенной от Большой России территорией «основных союзников США в Европе». Но о «сдаче» региона теперь не осмеливаются заявлять в России даже ярые неозападники.

Роль Калининградского региона отмечается и на Западе, хотя и своеобразным способом: «...Любое сближение с Россией по вопросу расширения НАТО не должно вести к фактическому превращению России в принимающего решения члена альянса, что тем самым принижало бы особый евроатлантический характер НАТО, в то же время низводя до положения второсортных стран вновь принятые в альянс государства. Это открыло бы для России возможность возобновить свои попытки не только вернуть утраченное влияние в Центральной Европе, но и использовать свое присутствие в НАТО для того, чтобы сыграть на американско-европейских разногласиях для ослабления роли Америки в Европе. ...Запрет на развертывание войск НАТО и ядерного оружия на территории новых членов альянса может быть важным фактором для устранения законных волнений России, однако ему должны соответствовать равноценные российские гарантии, касающиеся демилитаризации таящего в себе потенциальную угрозу выступающего района Калининграда и ограничения развертывания крупных воинских формирований вблизи границ возможных будущих членов НАТО и ЕС» [Бжезинский 1998, с. 238]. Для того, чтобы преодолеть навязываемый некоторыми западными политиками стереотип в отношении России как «черной дыры»²⁶, необходимо реализовать наступательную стратегию, подобную той, которую с успехом осуществил Петр I.

²⁶ «В центре Евразии пространство между расширяющейся Европой и приобретающим влияние на региональном уровне Китаем будет оставаться "черной дырой" в геополитическом плане, по крайней мере до тех пор, пока в России не завершится внутренняя борьба вокруг вопроса о ее постимперском самоопределении...» [Бжезинский 1998, с. 238].

Наряду с Калининградской областью во взаимоотношениях России и Европы все возрастающее значение приобретает Арктический регион. По оценкам экспертов, континентальный шельф Арктики содержит около четверти всех шельфовых запасов углеводорода в мире. На шельфах Баренцева, Карского морей выявлены уникальные газовые месторождения. Уже сейчас Арктика обеспечивает около 11% национального дохода и около 20% валового внутреннего продукта России, здесь создается 22% объема общероссийского экспорта. Добывается и производится более 90% никеля и кобальта, 60% меди, 96% платиноидов, 100% барита и апатитового концентрата. Арктика должна стать основной стратегической ресурсной базой России в XXI в. [Месторождения Арктики... Интернет-ресурс б/даты размещения; выездное совещание... 2008; Воронов 2010; Арктика сегодня 2013].

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

Российский атомный ледокольный флот²⁷ предоставляет неоспоримые преимущества нашей стране в освоении ресурсов

²⁷ Все существующие в мире атомные ледоколы (в настоящее время 6 действующих судов) принадлежат России. Ни одна сложная экспедиция в центральной Арктике не обходится без российского атомного флота, неоднократно покорявшего не только Северный полюс, но и Полюс недоступности.

региона, но в ряду приарктических государств Россия в одиночестве противостоит Западу. Внимание к Арктике резко усилилось со стороны Норвегии и Дании, а также США и Канады, активизировавших свою деятельность в регионе, в том числе в военной сфере. Поэтому уникальный российский опыт экономического освоения Арктики должен дополняться мощным военным потенциалом и преемственной дипломатической политикой, направленной на обоснованное закрепление и международно-правовое оформление внешней границы континентального шельфа Российской Федерации в Арктике и реализацию на этой основе конкурентных преимуществ России по добыче и транспортировке энергетических ресурсов.

В 2001 г. Россия представила в ООН заявку со сведениями, подтверждающими принадлежность подводного хребта, пересекающего Арктику, российскому континентальному шельфу. Согласно конвенции ООН, это дает России право осваивать ресурсы региона. Однако заявка была отклонена под предлогом того, что пробы со дна океана были взяты далеко от Северного полюса. В 2007 г. экспедиция под руководством А. Чилингарова достигла Северного полюса и с помощью двух подводных лодок взяла геологические образцы и пробы воды на глубине 4 километров, а также установила титановый контейнер с российским флагом на дно Северного Ледовитого океана. Новые данные послужат основой научного обоснования повторной заявки.

В октябре 2008 г. стратегическая атомная подлодка Северного флота «Рязань» завершила успешный переход подо льдами Арктики с Северного на Тихоокеанский флот для постоянного несения службы в этом регионе [*Российская АПЛ совершила переход... 2008*]. Этот переход подтвердил умение российских подводников действовать в экстремальных ситуациях без всплытия на поверхность, что, в конечном счете, обеспечивает неотвратимость нанесения ответного ядерного удара по любому агрессору. Необходимо учитывать также, что Арктика является идеальным регионом для обеспечения собственной безопасности подлодок, поскольку они не поддаются обнаружению ни с воздуха, ни из космоса.

Политический, ресурсно-технологический и военный потенциал Российского государства позволяют не только отстаивать собственный суверенитет, но и внести важный вклад в снижение разрушительных последствий трансформации моноцентричной модели мироустройства.

Атлантизм неизбежно вызывает противодействие континентальных держав, взаимодействие которых выстраивается в широтном направлении и формирует своеобразную **стратегию континентализма**, самым значительным проявлением которой является функционирование Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В современных условиях с присоединением (в качестве наблюдателей) Монголии, Индии, Пакистана и Ирана ШОС приобретает потенциал блока глобального значения, охватывающего крупнейшие страны Евразии (60% территории континента), население которых превышает четверть населения Земного шара. ШОС объединяет три из четырех крупнейших армий мира (исключая США).

В состав Шанхайской организации сотрудничества входят государства, развивающие древнейшие цивилизационные традиции и добившиеся весомых успехов в процессе модернизации. Важнейшее геополитическое и экономическое положение стран — участников ШОС дополняется также наличием богатейших запасов энергоресурсов в Сибири и Каспийском море. Удельный вес газового рынка ШОС превышает половину мирового объёма. После присоединения к блоку Беларуси (со статусом «партнёр по диалогу») в 2009 г. Шанхайская организация сотрудничества приобретает также неоспоримые преимущества для осуществления трансконтинентальных коммуникаций. Таким образом, развитие ШОС приводит к крупнейшей со времен Второй мировой войны перегруппировке сил на мировой арене. И как в предыдущие эпохи кардинальных трансформаций, влияние России может оказаться решающим в определении новых тенденций²⁸.

²⁸ В качестве иллюстрации глобальной значимости ШОС можно привести беспрецедентное в мировой энергетике соглашение Россия и Китая, заключенное 17 июня 2009 г., в соответствии с которым будет осуществляться поставка российской нефти на сумму сто миллиардов долларов. Самая крупная в истории двусторонних российско-китайских отношений сделка будет реализоваться на основе механизма взаиморасчетов в рублях и юанях, что окажет значительное влияние на всю мировую торговлю.

В кризисный период, когда изменяется или разрабатывается заново политический курс, возрастает уязвимость государства по отношению к воздействиям со стороны не только внутренних групп политических экстремистов, но и других государств, а также международных организаций, движений и их лобби. Государству сложнее сбалансировано выражать политические интересы всех групп населения, и при утрате этой способности оно само становится источником нарастания политической нестабильности. В этих условиях надежным средством обеспечения безопасности является политическая культура, проявляющаяся в поддержке социальными группами тех политиков, которые выражают основанные на цивилизационных потребностях государственные интересы, а не групповые или клановые. Она особенно важна в условиях принципиально меняющейся конституционной системы, создания новых механизмов реализации внутренней и внешней политики.

Значительно усложняют проблемы безопасности России попытки других государств (в первую очередь представляющие макрорегиональную систему Запада) навязать свою волю, подчинить политику ослабленного переходным периодом Российского государства. В наше время это часто осуществляется под предлогом установления гуманного и демократи-

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

ческого мирового порядка, обеспечения прав человека. Стремление стран-доноров оказать с помощью финансовых рычагов влияние на российское руководство приводит к падению международного авторитета Российского государства и к ослаблению его безопасности.

Поддержка России предложенных в Совете Безопасности ООН западными странами санкций против Сербии и Черногории (резолюция 757) во многом объясняется тем, что в тот период российское руководство обратилось с просьбой предоставить мораторий на выплату внешнего долга сроком на 5 лет. Открытое подтверждение «валютных мотивов» в принятии внешнеполитических акций российского руководства того времени было получено во время парламентских слушаний, посвященных потерям России в результате присоединения к санкциям ООН против Ирака, Ливии и Югославии. С. Лавров, занимавший в то время пост заместителя министра иностранных дел Российской Федерации, заявил, что Россия за присоединение к эмбарго получила «приобретенную выгоду» в размере 15 млрд. долларов в виде кредитов и откладыванию выплат по долгам [Лукашенко 1997, с. 108–109].

Приведенный эпизод наглядно демонстрирует, что конъюнктурные решения политического руководства способны нанести серьезный ущерб международному авторитету Российского государства в современных условиях, и подтверждает ключевую роль политической сферы для безопасности Российского государства в условиях переходного периода.

Взаимосвязь политических и экономических проблем безопасности России проявляется в попытках западных государств стимулировать развитие транспортных, коммуникационных и энергетических магистралей, связывающих Европу и Азию, в обход российской территории. Свидетельством реальности угрозы политико-экономической изоляции России является тот факт, что форумы «Азия — Европа» (АСЕМ) и Восточноазиатские саммиты (ВАС) проходят без участия нашего государства.

В то же время современные глобальные и региональные трансформации мирового сообщества открывают новые возможности для динамичного развития Российской Федерации. Энергетика является той сферой, где экономический потенциал России наиболее полно может быть реализован во внешней политике. В настоящее время доля, например, российского газа в 21 европейской стране в суммарном газопотреблении составляет 25–28%. Зависимость ЕС от внешних поставок энергоносителей, которая в настоящий период составляет 50%, а к 2020 г. по нефти, природному газу и углю достигнет 70–90% [Панкратов 2006; Россия и Центрально-Восточная Европа... 2012]. Поэтому германские, итальянские, французские и британские газовые и нефтяные концерны заинтересованы в обеспечении стабильного сотрудничества с российскими компаниями.

Формирующаяся при активном участии России полицентричная структура системы международных отношений позволяет избежать блокового противостояния и разорительной гонки вооружений. В результате целенаправленного согласования процессов интеграции в рамках СНГ и развития сотрудничества с ведущими континентальными европейскими государствами может быть создана единая макрорегиональная самоорганизующаяся структура, которая инициирует реализацию альтернативного варианта глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арктика сегодня [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал ARCTICuniverse. 2013. Режим доступа: http://www.arcticuniverse.com/ru/arctic_today.html
2. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 43–271.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998.
4. Брагин М. От Москвы до Берлина. Статьи и очерки военного корреспондента. М.: Политиздат, 1947.
5. Бурстин Д. Американцы: демократический опыт / Пер. с англ. М.: Прогресс-Литера, 1993.
6. Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002.
7. Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927. С. 153–164.
8. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Париж, 1927. Т. 1.
9. Воронов К. Арктические горизонты стратегии России: современная динамика [Электронный ресурс] // Финансовая аналитика. 2010. 28 сент. Режим доступа: <http://www.finanal.ru/009/арктические-горизонты-стратегии-россии-современная-динамика?page=0,0>
10. Выездное совещание по стратегическому планированию «О защите национальных интересов Российской Федерации в Арктике» [Электронный ресурс] // Управление Росприроднадзора по Архангельской области. Официальный сайт. 2008. 17 сентября. Режим доступа: http://www.rpn.atnet.ru/ind/zfi_1.html
11. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. СПб.: Издательский дом «Кристалл», 2002.
12. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. 6-е изд. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, Глагол, 1995.

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

13. Данилов С.И. Идея соборности в социальной философии славянофилов и евразийская идеология // Социальная теория и современность. Вып. 18. Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». М.: РАГС, 1995. С. 128–139.
14. Достоевский Ф.М. Дневник писателя: избранные страницы. М.: Современник, 1989.
15. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Л.: Наука, 1980. Т. 21, 27.
16. Духовность. Нравственность. Правопорядок. М.: Академия управления МВД России, 1999.
17. Ерасов Б.С. О геополитическом и цивилизационном устройении Евразии // Цивилизации и культуры / Редкол.: Ерасов Б.С. и др. М.: Институт востоковедения РАН, 1996.а. Вып. 3. С. 86–102.
18. Ерасов Б.С. Цивилизационная теория и евразийские исследования // Цивилизации и культуры. / Редкол.: Ерасов Б.С. и др. М.: Институт востоковедения РАН, 1996.б. Вып. 3. С. 3–28.
19. Житие Александра Невского (Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра) / Подг. текста, пер. и комм. В.И. Охотниковой. М.: Художественная литература, 1981. (Памятники литературы Древней Руси). [Электронный ресурс] // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4962>
20. Зеньковский В.В. История русской философии. Л.: Эго, 1991. Т. 1. Ч. 2.
21. Ильин В.В. Структурность политосферы // Полис (Политические исследования). 1995. № 1. С. 98–99.
22. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М.: Правда, 1989.
23. Кара-Мурза А.А. Между «империей» и «смутой» // Полис (Политические исследования). 1995. № 1. С. 96–98.
24. Кара-Мурза А.А., Панарин А.С., Пантин И.К. Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития // Полис (Политические исследования). М.: РАН, 1995. № 4. С. 6–17.
25. Киселев С.Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. М.: Известия, 2002.
26. Колесникова М.И., Борзунов В.Ф. Цивилизация: современный облик // Социально-политический журнал. 1992. № 10. С. 75–81.
27. Леонтьев К.Н. Избранное. М.: Рарогъ, Московский рабочий, 1993.
28. Лихачев Д.С. Культура как целостная среда // Новый мир. 1994. № 9. С. 3–8.
29. Ломанов А.В. Религиозно-философские традиции России и Китая: перспективы сравнения и диалога // Востоковедение и мировая культура. К 80-летию академика С.Л. Тихвинского: Сб. статей. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 98–116.
30. Лосский Н.О. История русской философии / Пер. с англ. М.: Советский писатель, 1991.
31. Лукашенко Е.А. Распад Югославии. Дис. ... канд. полит. наук. М., 1997.
32. Маркс К. наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. , изд. 2-е Т. 19. М.: Политиздат, 1961. С. 400–421.
33. Мащенко А. Вадим Кожин: Мы не хуже и не лучше Запада. У нас другая анатомия. [Электронный ресурс] // VIPERSON.RU. 14.11.2005. Режим доступа: <http://viperson.ru/wind.php?ID=240471&soch=1>
34. Медушевский А.Н. История русской социологии. М.: Высшая школа, 1993.
35. Менделеев Д.И. К познанию России // Вестник высшей школы. 1992. № 4–9. С. 87–95
36. Месторождения Арктики [Электронный ресурс] // Информационное Агентство «Арктика-Инфо». Режим доступа: <http://www.arctic-info.ru/Encyclopedia/Rubric/Месторождения>
37. Моисеев Н.Н. С мыслями о будущем России. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997.
38. Мокренко В.И. Русская идея и современная Россия: социально-философский анализ. Дисс. ... канд. философ. наук. М., 1993.
39. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2004.
40. Очиров Т.Н. Евразийская концепция культурной самобытности России // Социальная теория и современность. Вып. 18. Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». М.: Изд-во РАГС, 1995.
41. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во МГУ, 1999.
42. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003.
43. Панарин А.С. Философия политики. М.: Новая школа, 1996.
44. Панкратов С. Газовая отрасль России – ключевой элемент глобальной энергетической безопасности [Электронный ресурс] // Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства (НИСИПП). 2006. Режим доступа: <http://www.smb.ru/analitics.html?id=gas-IV-pankratov>
45. Пантин В.И. Логика разума или страстей // Полис (Политические исследования). 1995. № 1. С. 100–102.
46. Пахалюк К.А. Три «голгофы» русских армий // Восточная Пруссия, 1914–1915. Неизвестное об известном. Калининград, 2008. С. 4–45.
47. Повесть временных лет. Перевод Д.С. Лихачева. СПб.: Азбука, 1997.
48. Примаков Е.М. Мир после 11 сентября. М.: Мысль. 2002.

Ходаковский Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

49. Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / Сост., вступ. ст., коммент. И.А. Исаева. М.: Русская книга, 1992.
50. Российская АПЛ совершила переход подо льдами Арктики без всплытия [Электронный ресурс] // Центральный Военно-Морской Портал. 2008. 30 сент. Режим доступа: http://flot.com/nowadays/structure/north/detail.php?ELEMENT_ID=11107
51. Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в XXI веке / Под ред. к.г.н. Н.В. Куликовой, д.и.н., проф. И.И. Орлика, к.э.н. Н.В. Фейт. М.: ИЭ РАН. 2012. 350 с.
52. Соловьев В.С. Философская публицистика. Соч. в 2-х томах. М.: Правда, 1989.
53. Сорокин К.Э. Государственные интересы как обобщение национальных // Полис (Политические исследования). 1995. № 1. С. 117 – 119.
54. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политическая литература, 1992.
55. Тихомиров Л.А. Критика демократии. М.: Москва, 1997.
56. Тынянова О.Н. Европейская шахматная доска: миттельшпиль в «Миттельевропе» (к 625-летию Кривской унии и 600-летию Грюнвальдской битвы) // Пространство и Время. 2010. № 1. С. 79 – 90.
57. Уткин А.И. Россия и Запад: история цивилизаций. М.: Гардарики, 2000. [Электронный ресурс] // Правоведение и политология. Режим доступа: <http://pravo33.wordpress.com/2008/09/29/аи-уткин-россия-и-запад-история-цивил/> (дата обращения: 11.03.2012).
58. Уткин А.И. Черчилль: победитель двух войн. Смоленск: Русич, 2003.
59. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.
60. Фролов А.С. Философско-религиозные основы русской культуры. Дисс. ... д. философ. наук. М., 1995.
61. Хабибуллин К. Атлантизм и евразийская перспектива России // Международная конференция «Евразийство – будущее России: диалог культур и цивилизаций». Тезисы / Под ред. Л.В. Ниязова и К.Х. Каландарова. М.: Монолит, 2001. С. 93 – 99.
62. Хачатурян В.М. Истоки и рождение евразийской идеи // Цивилизации. Вып. 6: Россия в цивилизационной структуре Евразийского континента / Отв. ред. А.О. Чубарьян; Ин-т всеобщей истории. М.: Наука, 2004.
63. Ходаковский Е.А. Геоцивилизационные основы единства пространства и времени // Пространство и Время, 2010. № 2. С. 22 – 31.
64. Ходаковский Е.А. Глобализация как фактор кризиса и безопасности государства // Анализ систем на рубеже тысячелетий: теория и практика – 2001. Т. 3. М.: Институт проблем управления РАН, 2002. С. 82 – 89.
65. Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Медиум, 1994.
66. Хрестоматия по истории философии (русская философия): В 3 ч. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997.
67. Чесноков Г.Д. Евразийство и проблемы современной России // Социальная теория и современность. Вып. 18. Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». М.: РАГС, 1995. С. 145 – 154.
68. Шевченко В.Н. К современным спорам вокруг евразийской идеи // Социальная теория и современность. Вып. 18. Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». М.: РАГС, 1995. С. 17 – 25.
69. Krzhevov V.S. "The Sociopolitical Conception of Eurasianism and the Problem of the Search for Reliable Foundations for Social Integration." *Russian Studies in Philosophy* 47.1 (2008): 64 – 97.
70. Mann S.R. "The Reaction to Chaos." *Complexity, Global Politics and National Security*. Eds. D.S. Alberts, and T.J. Czerwinski. Washington, D.C.: National Defense University, 1998, ch. 6. Web. <<http://198.80.36.91/ndu/inss/books/complexity/ch06.html>>.
71. Mann S.R. "Chaos Theory in Strategic Thought." *Parameters* (Autumn 1992): 54 – 68
72. Mazurek S. "Russian Eurasianism – Historiosophy and Ideology." *Studies in East European Thought* 54.1 – 2 (2002): 105 – 123.
73. Savkin I. "If Russia Is to Be Saved, It Will Only Be Through Eurasianism." *Russian Studies in Philosophy* 34.3 (1995): 62 – 76.
74. Shlapentokh D. "Lev Gumilev: The Ideologist of the Soviet Empire." *History of European Ideas* 38.3 (2012): 483 – 492.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11–2011:

Ходаковский, Е. А. Значение и перспективы Европы и России в системе геоцивилизации [Электронный ресурс] / Е.А. Ходаковский // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2014. — Т. 5. — Вып. 1. — Часть 1. — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_e-ast5-1-1.2014.11

IMPORTANCE AND PROSPECTS OF EUROPE AND RUSSIA IN THE GEOCIVILIZATION SYSTEM

Evgeny A. Khodakovsky, D.Phil. (Political Sciences), expert at Fund of National and International Security
E-mail: khodakovsky@bk.ru

The contemporary global and regional transformation of the world community open up new possibilities for the dynamic development of the Russian Federation, including at the expense of intensification of constructive relations with the European states in the integral geocivilization system. During the last five centuries Europe determined the main directions, the ideals and values of humanity. Ideas of liberalism, the concept of human rights and freedoms continue to play a significant role in the modern integration processes.

In the medium term, along with European ideological traditions, the Russian idea could have a significant impact on the evolution of mankind. In our days the Russian idea can be expressed, according to the author, in the ideas-symbols of Pravda (righteousness), Sobornost (conciliarism; national unity), Derzhavnost (great power statehood), denoting goal, mechanism and basic means of unity of Eurasian nations, representing various confessions and ethnic groups, in one state.

The polycentric structure of the system of international relations, which is formed with active participation of Russia, avoids the bloc confrontation and arms race. The macroregional community of nations may be created as a result of the development of cooperation with the leading European states. This community is able to initiate the realization of the alternative globalization.

Keywords: geocivilizations, Russia, Europe, Westerners, Slavophiles, Eurasianism, radicalism, liberalism, Pravda (righteousness), Sobornost (conciliarism; national unity), Derzhavnost (great power statehood), Atlanticism, Continentalitycism strategy.

References:

1. "Arctic Today." *Informational and Analytical Portal ARCTICuniverse*. N.p., 2013. Web. 2 Nov. 2013. <http://www.arcticuniverse.com/ru/arctic_today.html>. (In Russian).
2. Berdyaev N.A. "Russian Idea. The Main Problems of Russian Thought of the XIX Century and Early XX Century." *About Russia and Russian Philosophical Culture: Russian Philosophers of Post-October Abroad Countries*. Moscow: Nauka Publisher, 1990, pp. 43–271. (In Russian).
3. Boorstin. J. *The Americans: The Democratic Experience*. Moscow: Progress-Litera Publisher, 1993.
4. Bragin M. *From Moscow to Berlin. Military Correspondent's Articles and Essays*. Moscow: Politizdat Publisher, 1947. (In Russian).
5. Brzezinski Z. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publisher, 1998. (In Russian).
6. Chesnokov G.D. "Eurasianism and Problems of Modern Russia." *Social Theory and Modernity, Issue 18: Eurasian Project to Modernize Russia: Pros and Cons*. Moscow: RAGS Publisher, 1995, pp. 145–154. (In Russian).
7. *Chrestomathy on the History of Philosophy (Russian Philosophy)*. Moscow: VLADOS Publisher, 1997. (In Russian).
8. Danilevsky N.Ya. *Russia and Europe. A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the German-Roman*. St. Petersburg: Glagol Publisher, 1995. (In Russian).
9. Danilov S.I. "The Idea of Conciliarity in the Social Philosophy of the Slavophiles and the Eurasian Ideology." *Social Theory and Modernity, Issue 18: Eurasian Project to Modernize Russia: Pros and Cons*. Moscow: RAGS Publisher, 1995, pp. 128–139. (In Russian).
10. "Deposits of Arctic." *Information Agency 'Arctic-Info'*. N.p., n.d. Web. 18 Oct. 2013 <<http://www.arctic-info.ru/Encyclopedia/Rubric/Месторождения>>. (In Russian).
11. Dostoevsky F.M. *Diary of the Writer: Selected Pages*. Moscow: Sovremennik Publisher, 1989. (In Russian).
12. Dostoevsky F.M. *The Complete Works*. Leningrad: Nauka Publisher, 1980, vols. 21, 27. (In Russian).
13. Erasov B.S. "Civilization Theory and Eurasian Studies." *Civilizations and Cultures*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN Publisher, 1996.b, issue. 3, pp. 3–28. (In Russian).
14. Erasov B.S. "On the Geopolitical and Civilizational Dispensation of Eurasia." *Civilizations and Cultures*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN Publisher, 1996.a, issue. 3, pp. 86–102. (In Russian).
15. Frank S.L. *Spiritual Foundations of Society*. Moscow: Respublika Publisher, 1992. (In Russian).
16. Frolov A.S. *Philosophical and Religious Foundations of Russian Culture*. Doctoral diss. Moscow, 1995. (In Russian).
17. Gumilev L.N. *Millennium Around the Caspian Sea*. St. Petersburg: Izdatelsky dom Kristall, 2002. (In Russian).
18. Il'in V.V. "Structural Properties of Political Sphere." *Polis (Political Studies)* 1 (1995): 98–99. (In Russian).
19. Isaev I.A. ed. *Paths of Eurasia. Russian Intelligentsia and Russia's Fates*. Moscow: Russkaya kniga Publisher, 1992. (In Russian).
20. Kara-Murza A.A. "Between 'Empire' and 'Distemper'." *Polis (Political Studies)* 1 (1995): 96–98. (In Russian).

ХОДАКОВСКИЙ Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

21. Kara-Murza A.A., Panarin A.S., Pantin I.K. "Spiritual and Ideological Situation in Modern Russia: Prospects for Development." *Polis (Political Studies)* 4 (1995): 6–17. (In Russian).
22. Kavelin K.D. *Our Mental Make-up*. Moscow: Pravda Publisher, 1989. (In Russian).
23. Khabibullin K. "Atlanticism and Eurasian Prospect of Russia." *Mezhdunarodnaya konferentsiya «Evraziystvo – budushchee Rossii: dialog kul'tur i tsivilizatsiy»*. Tezisy [Proceedings of the International Conference 'Eurasianism – Russia's Future: Dialogue of Cultures and Civilizations']. Eds. L.V. Niyazov, and K.Kh. Kalandarov. Moscow: Monolit Publisher, 2001, pp. 93–99. (In Russian).
24. Khachatryan V.M. "Beginnings and Birth of Eurasian Idea." *Civilizations, Issue 6: Russia in Eurasian Continent's Civilizational Structure*. Ed. A.O. Chubariyan. Moscow: Nauka Publisher, 2004. (In Russian).
25. Khodakovsky E.A. "Geocivilizational Basis of Space and Time Unity." *Prostranstvo i Vremya [Space and Time]* 2 (2010): 22–31. (In Russian).
26. Khodakovsky E.A. "Globalization as a Factor of State's Crisis and Security." *Analysis of Systems at Millennium: Theory and Practice, 2001*. Moscow: Institut problem upravleniya RAN Publisher, vol. 3, pp. 82–89. (In Russian).
27. Khomyakov A.S. *Writings*. Moscow: Medium Publisher, 1994, vol. 2. (In Russian).
28. Kiselev S.G. *The Basic Instinct of Civilizations and Russian Geopolitical Challenges*. Moscow: Izvestiya Publisher, 2002. (In Russian).
29. Kolesnikova M.I., Borzunov V.F. "Civilization: Modern Shape." *Social and Political Journal* 10 (1992): 75–81. (In Russian).
30. Krzhevov V.S. "The Sociopolitical Conception of Eurasianism and the Problem of the Search for Reliable Foundations for Social Integration." *Russian Studies in Philosophy* 47.1 (2008): 64–97.
31. Kulikova N.V., Orlik I.I., Feyt N.V. eds. *Russia and Central-Eastern Europe: the Relationship in the XXI Century*. Moscow: IE RAN Publisher, 2012. (In Russian).
32. Leontiev K.N. *Selection*. Moscow: Rarog Publisher, Moskovskiy rabochiy Publisher, 1993. (In Russian).
33. *Life of Alexander Nevsky*. Trans. and ed. V.I. Okhotnikova. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publisher, 1981. *Electronic Publications of the RAS Institute of Russian Literature (Pushkin House)*. RAS Institute of Russian Literature, n.d. Web. 12 Jan. 2013. <<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4962>>. (In Russian).
34. Likhachev D.S. "Culture as a Holistic Environment." *Novy Mir [New World]* 9 (1994): 3–8. (In Russian).
35. Lomanov A.V. "Religious and Philosophical Traditions of Russia and China: Prospects for Comparison and Dialogue." *Oriental and World Culture. To the 80th Anniversary of Academician S.L. Tikhvinsky*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publisher, 1998, pp. 98–116. (In Russian).
36. Lossky N.O. *History of Russian Philosophy*. Moscow: Sovetsky pisatel Publisher, 1991. (In Russian).
37. Lukashenko E.A. *Dissipation of Yugoslavia*. Ph.D. diss. Moscow, 1997. (In Russian).
38. Mann S.R. "Chaos Theory in Strategic Thought." *Parameters* (Autumn 1992): 54–68
39. Mann S.R. "The Reaction to Chaos." *Complexity, Global Politics and National Security*. Eds. D.S. Alberts, and T.J. Czerwinski. Washington, D.C.: National Defense University, 1998, ch. 6. Web. <<http://198.80.36.91/ndu/inss/books/complexity/ch06.html>>.
40. Marx K. "Sketches of Response to the Letter of V. Zasluch." *Writings of Karl Marx and Friedrich Engels*. Moscow: Politizdat Publisher, 1961, vol. 19, pp. 400–421. (In Russian).
41. Mashchenko A. "Vadim Kozhinov: We Are No Worse and No Better than the West. We Have Different Anatomy." *Viperson.RU*. N.p., 14 Nov. 2005. Web. 27 Apr. 2012 <<http://viperson.ru/wind.php?ID=240471&soch=1>>. (In Russian).
42. Mazurek S. "Russian Eurasianism – Historiosophy and Ideology." *Studies in East European Thought* 54.1–2 (2002): 105–123.
43. Medushevsky A.N. *History of Russian Sociology*. Moscow: Vysshaya shkola Publisher, 1993. (In Russian).
44. Mendeleev D.I. "To the Knowledge of Russia." *Herald of Higher School* 4–9 (1992): 87–95. (In Russian).
45. Moiseev N.N. *With Thoughts about the Future of Russia*. Moscow: Fond sodeystviy razvitiyu sotsialnykh i politicheskikh nauk Publisher, 1997. (In Russian).
46. Mokrenko V.I. *Russian Idea and Modern Russia: Social and Philosophical Analysis*. Ph.D. diss. Moscow, 1993. (In Russian).
47. Narochitskaya N.A. *Russia and Russians in World History*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publisher, 2004. (In Russian).
48. Ochirov T.N. "Eurasian Concept of Russia's Cultural Identities." *Social Theory and Modernity, Issue 18: Eurasian Project to Modernize Russia: Pros and Cons*. Moscow: RAGS Publisher, 1995. (In Russian).
49. "Offsite Meeting on Strategic Planning 'On Protection of the Russian Federation National Interests in the Arctic'." *Official Website of the Federal Service for Supervision of Natural Resources for the Arkhangelsk Region*. Federal Service for Supervision of Natural Resources for the Arkhangelsk Region, 17 Sept. 2008. Web. 19 May 2013 <http://www.rpn.atnet.ru/ind/zfi_1.html>. (In Russian).

ХОДАКОВСКИЙ Е.А. ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

50. Pakhalyuk K.A. "Three "Golgothas" of Russian Armies." *East Prussia, 1914-1915. Unknown about the Known*. Kaliningrad, 2008, pp. 4–45. (In Russian).
51. Panarin A.S. *Philosophy of Politics*. Moscow: Novaya shkola Publisher, 1996. (In Russian).
52. Panarin A.S. *Russia in World History Cycles*. Moscow: MGU Publisher, 1999. (In Russian).
53. Panarin A.S. *Strategic Instability in the XXI Century*. Moscow: Algoritm Publisher, 2003. (In Russian).
54. Pankratov S. "Russian Gas Industry – A Key Element of Global Energy Security." *National Institute for System Studies of Entrepreneurshi*. National Institute for System Studies of Entrepreneurshi, 2006. Web. 17 Oct. 2013. <<http://www.smb.ru/analitics.html?id=gas-IV-pankratov>>. (In Russian).
55. Pantin V.I. "The Logic of the Mind or of Passions." *Polis (Political Studies)* 1 (1995): 100–102. (In Russian).
56. Primakov E.M. *World After September, 11*. Moscow: Mysl Publisher, 2002. (In Russian).
57. "Russian Nuclear Submarine Have Made the Transition Under the Arctic Ice without Surfacing." *Central Navy Portal*. N.p., 30 Sept. 2008. Web. 28 Oct. 2012 <http://flot.com/nowadays/structure/north/detail.php?ELEMENT_ID=11107>. (In Russian).
58. Savkin I. "If Russia Is to Be Saved, It Will Only Be Through Eurasianism." *Russian Studies in Philosophy* 34.3 (1995): 62–76.
59. Shevchenko V.N. "To Modern Disputes Around Eurasian Idea." *Social Theory and Modernity, Issue 18: Eurasian Project to Modernize Russia: Pros and Cons*. Moscow: RAGS Publisher, 1995, pp. 17–25. (In Russian).
60. Shlapentokh D. "Lev Gumilev: The Ideologist of the Soviet Empire." *History of European Ideas* 38.3 (2012): 483–492.
61. Solovyov V.S. *Philosophical Publicistics*. Moscow: Pravda Publisher, 1989. (In Russian).
62. Sorokin K.E. "State Interests as a Synthesis of the National Ones." *Polis (Political Studies)* 1 (1995): 117–119. (In Russian).
63. Sorokin P.A. *Society, Culture, and Personality*. Moscow: Politicheskaya literatura Publisher, 1992. (In Russian).
64. *Spirituality. Morality. Law and Order*. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii Publisher, 1999. (In Russian).
65. *The Russian Primary Chronicle*. Trans. D.S. Likhachev. St. Petersburg: Azbuka Publisher, 1997. (In Russian).
66. Tikhomirov L.A. *Criticism of Democracy*. Moscow: Moskva Publisher, 1997. (In Russian).
67. Tynyanova O.N. "European Chessboard: Middlegame in "Mitteleurope" (To 625 Anniversary of Krevsk Union and the 600th Anniversary of the Grunwald Battle)." *Prostranstvo i Vremya [Space and Time]* 1 (2010): 79–90. (In Russian).
68. Utkin A.I. *Russia and the West: History of Civilizations*. Moscow: Gardariki Publisher, 2000. *Jurisprudence and Political Science*. N.p., n.d. Web. 11 March 2012. <<http://pravo33.wordpress.com/2008/09/29/аи-уткин-россия-и-запад-история-цивил/>>. (In Russian).
69. Utkin A.I. *Winston Churchill, Winner of Two Wars*. Smolensk: Rusich Publisher, 2003. (In Russian).
70. Vatlin A.Yu. *Germany in XX Century*. Moscow: ROSSPEN Publisher, 2002. (In Russian).
71. Vernadsky G.V. "Mongol Yoke in Russian History." *Evroziyskiy Vremennik [Eurasianist Annals]*. Paris, 1927, book 3, pp. 153–164. (In Russian).
72. Vernadsky G.V. *Painting of Russian History*. Paris, 1927, vol. 1. (In Russian).
73. Voronov K. "Arctic Horizons of Russian Strategy: Modern Dynamics." *Financial Analytics*. N.p., 28 Sept. 2010. Web. 17 May 2012 <<http://www.finanal.ru/009/арктические-горизонты-стратегии-россии-современная-динамика?page=0,0>>. (In Russian).
74. Zenkovsky V.V. *History of Russian Philosophy*. Leningrad: Ego Publisher, 1991, vol. 1, part 2. (In Russian).

Cite MLA 7:

Khodakovskiy, E. A. "The Importance and Prospects of Europe and Russia in the Geocivilization System." *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya [Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time]* 5.1(1) (2014). Web. <2227-9490e-aprovr_e-ast5-1-1.2014.11>. (In Russian).